

А.В. Манин-Уралец

**Роман в
новеллах.
Книга 2.
Погружение в
мираж**

А.В. Манин-Уралец

**Роман в новеллах. Книга
2. Погружение в мираж**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Роман в новеллах. Книга 2. Погружение в мираж / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

Все главы-рассказы в книге 2 романа так или иначе дополняют друг друга исторической канвой, где параллельно с судьбой современников в своем времени живет исторический персонаж - главный герой произведения купец Иван Протасов, осуществивший мечту – поступить на службу в секретные лаборатории литейных цехов императора Петра I. В будущем он – первый российский золотодобытчик. В книге повествуется и о его любви и поиске собственного личного счастья. Ведомство «Три кашалота» занимается розыском золота в прошлом и настоящем; попавшая в ведомство информация о блестящей судьбе золотоискателя Протасова заставляет службы «Кашалотов» изучать все имеющиеся и вновь поступающие данные о его жизни в молодые годы. Следствие приводит к выходу на происходящие таинственные события в Санкт-Петербурге, связанные с попытками преступных сил завладеть мощами патриарха Никона и кладом сокровищ.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Роман в новеллах. Книга

2. Погружение в мираж

ПОГРУЖЕНИЕ В МИРАЖ

(Или спасение мощей патриарха Никона)

Роман детектив-фэнтези в рассказах и мини-повестях.

I

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ ОТКРЫТИИ ПАМЯТНИКА

ЕКАТЕРИНЕ I.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(Рассказ)

- В ту торжественную... то есть ту трагическую минуту мы стояли у постамента, ждали, когда, наконец, с нового памятника сорвут покрыва и перед нами предстанет Екатерина I: в тот момент ее жизни, когда она вызывает к бывшей фаворитке, опальной Альдигердии дать ей чудесного снотворного, чтобы прекратить свою ужасную бессонницу. Как вы знаете, ее сон в тот период был превращен в самоцвет миражей. Очень большой недуг! Никакого отдыха!..

Не скрою, было много зарубежных гостей, в том числе из Германии и Прибалтики.

Слово за слово, кто-то, в ответ на русскую брань, - а без нее не обошлось, - выкрикнул, с акцентом, что если бы не Петр I, то Россия осталась бы неумытой, как при монголо-татарах. Ну, понятно, - начались споры!

Подошедшие москвичи, вникнув в суть назревавшего конфликта, посмеялись: было бы что обсуждать! Вы, конечно, знаете: стоянием на притоке Оки Угре, или как говорим мы, историки, - «угорщиной» (когда золотоордынцы не решились больше воевать Московскую Русь и повернули восвояси) была поставлена в этом вопросе точка.

- Да, конечно, все мы учились в школе.

- И все мы, конечно, знаем, что в тот час апостол Марк вызвал сильный хрономираж: огромный град Новоиерусалимский, обнесенный высокими стенами и полный воинов...

- Разве?

- Конечно! Но вдруг этот, с акцентом, провокатор, ей богу, заявляет уже мне прямо в лицо: «Иноземное иго свергли благодаря взятке, а не военной силе!» То есть как так? - спрашиваю я, совершенно обескураженный. «А так, что было то стояние дымовой завесой, созданной вокруг дипломатических игр московских князей и ханов Золотой Орды...» И все в этом роде. Я, простите, историк, ученый, профессор. Петрегина, можно сказать, вся просвещенная Москва знает. Теперь вот и вы... Я у вас - не первый раз...

Так вот, я тому бусурману в ответ (послушайте и вы): В лето 6988-е от Сотворения мира, то есть в 1480 году от Рождества Христова, когда хан Ахмат двинулся в поход на Русь, уже девять лет как великий князь московский Иван III Васильевич не платил ордынскому царю никакой дани! Он отправил к южноамериканским берегам свой флот, правда, заплатив потомкам викингов цилемским, или как еще называют его искатели кладов, цильминским золотом,

чтобы провели русичей до американского континента, дабы далее те самостоятельно могли спуститься далее на юг.

- Неужели к Америке? За цельминское золото?!..

- Представьте! Их задачей было доставить Дива миражей или хотя бы Самоцвет миражей, которые бы могли поставить, пусть и виртуальный, но очень устрашающий заслон захватчикам: татаро-монголам. Но время шло, и после девяти лет напрасного ожидания дани очень уж разгневался монгольский царь... Сохранились его гневные послания с угрозами... Ну, вот!.. А этот, иностранец-то, у подножия постаментов с царицей, знай все несет свое: договорились, де, ордынцы и князь; де стыдно стало князю Ивану показать слабость перед ордой, и де давал он деньги в долг меньшому брату Андрею Вологодскому, для того, чтобы тайно платить «выход» - дань цельминским золотом, на подношения царю и детям ордынским ханов, царевичам...

- Это можете опустить, господин профессор.

- Хорошо. О цельминском золоте это я к слову...

- Потом об этом отдельно, профессор.

- Так вот... Вижу я, врет этот иностранец с понятием, но с подтекстом, и я начинаю подозревать: это один из тех, что всюду лезут Русь учить-поучать. Нам и самим известна гипотеза: князь набрал силу, но не был в себе уверен, ордынский царь уже также не был уверен в себе, и надо было уладить дело, чтобы никому из обеих обиженных сторон авторитет не потерять. Но это и есть аргумент!..

И потом, говорю ему, бусурманину: ты, судя по акценту, видно, из Прибалтики, а монголы, отступая вдоль Оки, пограбили напоследок не только московские, но и литовские пограничные волости. Как, говорю, вам, мил человек, не то, что за русских, а и за себя не совестно?

А он так, чтобы все кругом вняли, кто к нашему спору прислушался: «Да я ради того только, чтобы вашей России худо сделать, я и малое дите свое готов поставить в ряды ваших врагов и даже отдать в детский приют!»

- Профессор, а это все нам для чего?

- Вот тут, как раз, покров с памятника сняли, все повернулись, глядя на императрицу Екатерину.

И только краем глаза вижу, как оппонент мой, этот прибалт, вдруг, набок завалился и распластался навзничь.

Я видел, как закричала рядом женщина, но крика я не услышал, потому, что, как увидел я лужу крови, так тут же помутилось в голове, возник мираж, и как бы все стихло.

Еще слишком свежо в памяти, как и меня самого совсем недавно пытали ножом бога Одина, ну, вы помните: пырнули им в мой бок в моей собственной квартире!.. Вот, смотрите, какой остался шрам...

Петрегин хотел уже вытянуть одну полу рубашки, чтобы показать шрам, но его остановили:

- Это лишне. Благодарим вас, господин профессор...

Просмотрев видеозапись допроса Самуила Вавиловича Петрегина, полковник отдела «Сократ» Халтурин дал знак, и его заместитель майор Сбарский нажал на кнопку пульта. Экран большого монитора погас и смотревшие на него, сидя к нему в пол-оборота, несколько сотрудников отдела приняли прежнее положение и положили руки на стол.

- Очень любопытное совпадение, - сказал Халтурин. - Ведь на самом деле: на Петрегина было совершено покушение, после того, как он нашел старый архив, документы которого до сих пор у нас в обработке. Речь идет об архиве с жизнеописанием Ивана Провича Протасова, сподвижника Петра I, ставшего после смерти императора, как бы сейчас сказали, нелегалом-золотодобытчиком и укрывателем налогов. Несомненно, и взяточником. Правда, судя по отдельным записям летописи, - а найдены тома черновики, - он не один год выручал царскую казну, пополняя ее золотом и самоцветами, которые копал в южноуральских горах, на

территории нынешних Миасса, Златоуста и Угря. На севере не добывали и не было «цильминского» золота!..

Халтурин указал указкой на экран, где появилась карта.

- При Петре I Протасов спас императора при покушении на него, за что, кстати, получил орден и отдельную награду от благодарной Екатерины в виде сапфирового перстня.

Мы еще на подступах к разгадке тайны его золотых копей, однако он косвенно уже вывел нас на другого золотопромышленника более поздних времен, Баакина. Помните видео реконструкцию исторических событий, когда во время наводнения Баакин обещал за спасение отдать карту одного из своих месторождений? Так вот, напомним, она оказалась в наших руках и оказалась не пустышкой.

Ряд из указанных в его карте рудников оказался нетронутым до сих пор. И мы их, разумеется, их изыали. План есть план!..

Послышались смешки. Специальный отдел криминогенных и аномальных явлений «Сократ» имел к выполнению плана по золоту косвенное отношение. В системе ведомства «Три кашалота», чьей задачей было пополнение драгоценными металлами кладовых Гохрана страны, «Сократ» выполнял свою особую роль – вел следственно-оперативную работу. Правда, детективы подключались к работе только в том случае, когда совершенное преступление могло вывести на след новых драгоценных жил, россыпей или кладов. Халтурин поправился:

- Разумеется, мы, прежде всего, должны найти преступника, а золото, как мы знаем все равно никуда от нас не уйдет. Не было еще такого, чтобы ушло, и это могут подтвердить приглашенные мной на совещание специалисты...

Тут слово взял Сбарский.

- Как уже удалось установить после просмотра видеозаписей с площади открытия памятника Екатерине I, убитый затеял спор с Петрегиным не случайно. Он не был иностранцем, но говорил с акцентом нарочно. Целью его было спровоцировать рознь между москвичами и гостями столицы. Это подтвердил целый ряд подобных инцидентов в разных районах Москвы, где в этот день совершались провокационные акции: в культурных центрах, у мечетей, синагог и католических соборов, в обществах дружбы.

Несколько человек из числа задержанных признали в убитом члена своего сообщества, носившее наименование «Глория», то есть нечто подобное миражу.

Любопытно, что профессор Петрегин, обнаруживший старинные рукописи с жизнеописанием золотоискателя Ивана Протасова, предсказывал: должен появиться мираж, как некая сакральная сила, и нанести свой коварный удар по России. И что прельстятся им - кто против русских – многие. И еще: что мираж явит цильминское золото...

II

ДЕЛО О ЗОЛОТЫХ КОПЯХ ИЛИ ПОЦЕЛУИ МИРАЖА НЕЗНАКОМКИ. СЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ

(Рассказ)

1

Труд неизвестного автора с жизнеописанием золотопромышленника Ивана Протасова был подкорректирован специальной электронной системой древних переводов «Миассидой»; эта работа была передана в службу астральных реалий и миражей аномальных зон «Сармат».

Начальник службы Вадим Григорьевич Крыншин накануне выдал обширный отчет об активизации аномальных явлений в ряде районов Москвы. Начальник ведомства «Три кашалота» генерал Бреев, жестко контролирующий поиск старинных сокровищ, включая месторождения золота был доволен проделанной работой этой службы.

Но в связи с появлением очередного дела профессора Петрегина, хотя он теперь и фигурировал в нем, как свидетель, «Сармату» передали уже разрабатывавшееся в других отделах «Дело о золотых копиях Ивана Протасова»; а рукописи о Протасове обнаружил в архивах именно Петрегин.

Целью задания, поступившее «Сармату», было найти дополнительные сведения о неких миражах, на которые сослался Петрегин, уверяя, что однажды они появятся в Москве в день совершения каких-то больших провокаций.

- С рукописями о Протасове нам придется поработать еще не раз, - сказал генерал Крыншину. - А вот совпадение, что мы вынуждены дважды заниматься профессором Петрегиным, мне кажется аномальным. Тем более, что дело его связано и с криминальным фактором, и с золотом.

- Так точно: к событиям подключаются покуда неизученные нами явления в виде, так сказать, оживленных сакральных сил. Но выявить мы их обязаны! Ради плана!..

- Каждый раз у вас найдется новое определение. Вот почему я уверен, что в своем деле вы во всем разберетесь досконально. И тогда уж проверьте все о золоте Цильмы.

- Есть. Разрешите вопрос, товарищ генерал?

Бреев кивнул.

- В первый раз на жизнь Петрегина покушались, выпытывая у него, не нашел ли он в рукописях о Протасове какого-нибудь ключа или карты для разгадки сакральной тайны. Петрегин нас заверил, что ничего такого не нашел, и потому сообщать преступникам ему было и нечего. А теперь вдруг намекает на возможное проявление каких-то загадочных и опасных древних миражей. Это первое.

Разрешите и второе?... Сегодня Петрегин свидетельствует, как в день открытия памятника Екатерине I в Москве он затеял спор о дани Руси в Золотую орду, о золоте, и тут же замертво падает его оппонент, показавшийся ему иностранцем, но на деле попросту провоцирующим беспорядки нашим гражданином Кахобаковым...

- Который, как выяснено, являлся предпринимателем и золотодобытчиком. Проверьте: нет ли его следа в Цильме?

- Слушаюсь.

- Так в чем ваш вопрос, Крыншин?

- Уточните, товарищ генерал: моей службе акцентировать внимание на миражах или на поиске золота?

- Я не сомневаюсь, что вы достигнете обоих результатов. Хотя вы и без того знаете, что я, в отличие от полковника Халтурина, прежде всего жду от вас отчетов о подступах к драгметаллам, но все же надеюсь, что к вечеру и та, и другая работа будут закончены. И о Цильме не забудьте...

Закрыв за собой дверь, Крыншин проворчал:

- Да, видно никто еще из этого кабинета не вышел без доведка к выполняемому заданию!.. Теперь, конечно, не отстанет от меня и полковник Халтурин.

В «Трех кашалотах» с десятками отделов и бюро и следственно-оперативной службой «Сократ» во главе с полковником Халтуриным, вся работа всегда активизировалась в связи с появлением очертаний новых золотых залежей, затерянных во времени. И Крыншин знал, что теперь все структуры ведомства получают от генерала указание поискать, между делом, и неизвестное цильминское золото.

На решение любой поставленной задачи выделялись, как правило, сутки. На деле работа выполнялась в течение рабочего дня. Но если сотрудники хотели уйти домой пораньше, их активность должна была, как бы, превзойти активность аномальных явлений природы или тонкого мира различных духов и всяческих материализующихся сущностей. Последние принимали собирательные формы известных на земле существ и явлений, по-другому не бывало.

«Любому духу, чтобы идентифицироваться, отмежеваться в глазах людей от природного явления, с которым он тесно связан, образ человекообразного или животного попросту необходим, - думал Крыншин, по привычке формулируя очередную проявления любых аномалий. - А не видя в незнакомом и потому пугающем явлении такого образа, человек крестится и вызывает: «Спаси и сохрани, Господи!», видя его человеком. Но отдельным сущностям неизвестных или слабо изученных миров вряд ли по нраву, что человек после обращения к Господу, успокаивается...»

Образ монстра в каком бы то ни было знакомом образе или проявлении - в виде шторма с очертаниями гигантского кальмара или Посейдона, или же в виде бесформенного миража, но умеющего обращаться к человеку на его языке, тем самым демонстрируя свою цель поучаствовать в его жизни – все это, прежде всего, и входило в понятие «аномалия» для сотрудников отдела «Сармат».

И когда такое вторжение в сознание и образ действий отдельных людей и, тем более общества, было связано с золотом, платиной, серебром и драгоценными кладами, от отдела требовалось указать пути - каким образом использовать эти аномалии для обеспечения плана ведомством «кашалотов» по драгметаллам.

Дело о золотых копях Ивана Протасова, когда Крыншин приступил к его изучению, указало, что своих «аномалий» в нем было также предостаточно. Дело это, по сути, было попыткой неведомого автора создать жизнеописание Протасова, его путь от жизни в качестве владельца торговой лавки до одного из самых богатых людей на земле.

Жизнеописание, благодаря невероятным фактам, очень напоминало разрозненные куски романа или же только его черновики. В течение получаса Крыншин заложил в компьютерный вариант данного дела свою новую программу, надеясь, что аномалии выявятся более явно.

Но вдруг, к его удивлению, система «Миассида», контролирующая связь реального времени с минувшим по восточному - уральскому - направлению, где и добывал золото Протасов, указала на окончание обработки документа и тут же выдала запрос: «Нужны дополнительные факты!»

Крыншин поразмыслил и понял, что зафиксировавшая внедрение в нее новой программы поиска система «Миассида» сделала попытку заставить оператора вернуться к изучению не обработанных полным анализом страниц рукописи. И, войдя таким образом, в личную систему Крыншина, эта система самым беспардонным образом уже, как бы, потребовала и отчета.

Это было странно.

«Кто бы это мог быть? – подумал Крыншин, думая, что с ним затеял неуместную игру оказавшийся с ним в одной связке по данному делу кто-либо из бывших операторов, изучавших дело о будущем золотодобытчике Протасове.

2

Он даже отдернул руку от клавиатуры, когда, собравшись подкорректировать программу, перед ним на экране монитора вместо набора формул, вдруг вспыхнула яркая картинка какого-то веселья, слышались звуки музыкальных инструментов, будто из прошлых веков; он различил танцующие пары.

И вдруг все это, отделившись от экрана, поплыло прямо на Крыншина, он невольно отодвинулся. И ожившее прошлое, как мираж, стало заполнять комнату.

Крыншин посмотрел на своих сотрудников, сидящих поодаль в помещении отдела, но они, по-видимому, ничего не замечали.

Вначале плохо различимые, неясные образы меряченья приобрели лишь чуть более прочную свою плоть, и тут он почувствовал, как кто-то подхватил его за локоть, поднял и закружил в танце.

Вокруг все поплыло, слилось в сплошную разноцветную полосу, а перед глазами повисло в воздухе улыбающееся красивое полноватое лицо девушки со странной прической, очень ее украшавшей; потом он увидел ее шею, плечи, ее фигуру, ощутил ее стан, который машинально обхватила его рука. Талия девушки была, словно, завернута в жесткий кокон, и это явно указывало, что она была в корсете.

Затем девушка, будто видя его недоумение и даже испуг, весело рассмеялась, и он мог сосчитать в ее рту с полными губами подкрашенными каждый, до единого, из тридцати двух ее превосходных крупных зубов.

Ей было лет восемнадцать-двадцать. Он разглядел ее небольшие, но, казалось ему, очень доброжелательные, открытые глаза, почти бирюзового цвета, ее широковатый, но все же безупречный нос, маленькие и полупрозрачные раковины ушей...

Главное, она хотела, чтобы он сделал что-нибудь абсурдное, мальчишеское, как бы в подтверждение ее безупречной юности, например, тут же признался ей в любви.

Он не понимал, что с ним случилось, но внезапно он прижал девушку к себе и крепко поцеловал ее в губы. Она стала сопротивляться, и она почему-то расстроилась; послышались посторонний смех и девичьи веселые крики, вероятно, поспешивших к ней на выручку подруг.

Крыншин еще ощущал жар этого поцелуя. Еще слышал тихий глухой тихий удар от соприкосновения его зубов о ее зубы; ему и теперь казалось, что его язык сплелся с ее языком, как с языком опытной молодой колдуньи...

Да, это была очень даже искушенная женщина. Пора расцвета восемнадцати-двадцати лет для XVIII века – это пора, когда многие девушки уже были замужем, имели ребенка, а то и нескольких детей.

«Но эта моя прекрасная незнакомка - нет, не замужем! - сделал вывод Крыншин. – Иначе я бы и это почувствовал...

Но какая же в ней сладость!.. Фигура ее в небольшую полноту, но как тонка талия, и как прекрасно ее лицо!..

И как незнакомо, щемящее она пахнет!.. Будто я окунулся в детство и вошел в комнату своей бабушки-актрисы...

Он приподнял голову от стола, мотнул головой, отгоняя сон или видение.

В мираж он погрузился на секунду; и он, тихо и сладко зевнув, пожалел, что нельзя оживать собственные сны.

Да, сегодня он не выспался, что плохо; но никто не осудит его, если он незаметно подремлет разок-другой, как каждый нормальный молодой человек, у которого по вечерам случаются незапланированные встречи...

3

Взор Крыншина уперся в строчку сигнала, требующего дополнительных сведений. «Ага!.. Но я и сам бы желал их получить! - сказал он себе. – Так где их взять?!...»

В рукописи прежде всего открылись различные имена купцов первой четверти XVIII века, имевших отношение к строительству Санкт-Петербурга. Мелькнуло несколько купеческих имен из района Замаранихи. Свое позорное название эта часть города потеряла незадолго

до кончины Петра. («Древнее название – Замираниха, от «замирье» - подчеркнул компьютер). Району придали культурный вид, и в парке построили площадки для праздничных гуляний.

Эти поступившие первые сведения были не совсем то, что хотел обнаружить Крыншин. Тогда он начал настойчиво кодировать программу совмещения прерванных глав романа. Логистику совмещения текста и, следовательно, событий, должна была обеспечить и компьютерная система видео реконструкции исторических событий «Скиф». После ее запуска объем глав и даже их оглавления изменились. Но все же, и в этом варианте текст зафиксировался только в форме разрозненных эпизодов, рваных кусков, диалогов, сцен, говоривших по отдельности о многом, но не являвшихся сплошным повествованием романтической истории золотодобытчика и великого авантюриста Ивана Протасова, влияющего на ход истории российской.

Крыншин с удивлением вдруг подумал: судьба Протасова в электронной памяти «Кашалотов» начала жить своей жизнью, видоизменяться, подбрасывать то, чего, быть может, и не было в найденном профессором Петрегиным архиве. Рукописи были обнаружены вместе с десятком не имеющих большой исторической ценности книг. Под знаком вопроса оказалось слишком много фактов, в частности, отчего Иван Протасов, значащийся купцом, затем дворянином, вдруг предстал «незаконнорожденным сыном Петра I», а точных причин и доказательств этого в найденной рукописи, кроме косвенных, пока не открывалось...

«Но, может, попробовать пойти другим, нестандартным, путем? - задумался Крыншин. Я закладываю в программу домысленные факты, а программа активизируется на ликвидации неподтвержденных данных и тем самым оставляет только то, что действительно могло иметь место в истории? Далее при подключении ее к системе видео-реконструкции «Скиф» могу получить, как говорится, и готовое документальное кино!...»

Раздосадованный первой неудачей, но осененный этой новой всегда беспримысленной идеей, Крыншин решил, что час ее настал. Он набрал слова: «Роман. Избранник небес или жизнь великого авантюриста» и заложил новую программу. Теперь он точно знал, что скоро узнает и фабулу, и кульминацию, и конец истории.

Но Крыншин не подозревал, что помимо его воли, но по воли гениального случая (один из них – и упоминание о «цильминском золоте») потребуются и другие различные данные об Иване Протасове. С ним будут связаны столь глубокие тайны, что раскрытие их окажется чрезвычайно важным для блага государства и в начале XXI века...

Исходя из заложенной в «Скиф» логики и возможности системы моделировать события далекого прошлого даже в мельчайших деталях, не исключая пикантных подробностей (вроде поцелуя, объятий двух влюбленных или же действий насильника и его жертвы), Крыншин введением дополнительных программ продолжал влиять на моделирование ситуации.

И эту работу он не прекращал до тех пор, пока, в конце концов, не довел прибывшего в Санкт-Петербург с целью послужить императору Петру I молодого купца Протасова до той черты, за которой путь данного героя мог оказаться – напротив - сплошным бегством от всеобъемлющего ока царской власти.

И причиной этого становилось обретение Иваном Протасовым невероятных возможностей влияния на дела в России, чуть ли не превосходящие возможности земных царей. «Не слишком ли я разошелся?! – спросил себя Крыншин.

После этого он, в конце концов, подключил к программе и являвшееся одним из ключевых кодов слово «Глория», означающее свечение или же мираж. И лишь стоило ему воссоединить это с системой «Скиф», как началось ожидаемое, и все же, невероятное, к чему ни он, ни другие сотрудники отдела «Сармат», так до сих пор и не привыкли.

«К этому привыкнуть нельзя никогда!»

И действительно, в начале развернувшегося перед глазами на мониторе очередного события на исторической сцене, он, как и всегда был слегка потрясен. Но на этот раз он не мог

отвязаться от мысли, что над ним продолжает подшучивать кто-либо из коллег-операторов огромной разветвленной сети структур ведомства «Кашалотов».

Он поднял голову, посмотрел на своих сотрудников, из них каждый был занят своей работой, которую он им вменил в обязанность выполнить не мешкая.

Ни одно выражение на их лицах не указало, что за ними скрыт хоть намек на ухмылку и начало неуместной в начале рабочего дня подковерной компьютерной игры...

III

ХРОНОМИРАЖ ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ ШПИОНКИ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗАГОВОРА ПРОТИВ ГОСУДАРЯ

(Рассказ)

1

Начальник отдела «Сармат» Крыншин, углубляясь в жизнеописание золотопромышленника Ивана Протасова, подключил современный перевод летописи к системе видео реконструкции «Скиф» и подключил ряд новых программ.

Он подождал, с удовлетворением наблюдая, как на экране монитора возникшее с помощью «Скифа» изображение становится благодаря его программам более четким.

Уже слышались и становились все более различимыми голоса, напомнившие Крыншину хорошо поставленные голоса актеров в исторической кинодраме.

Но он знал, что это, все же, не было художественной постановкой, кино-пьесой; и адреналин в его крови закипал.

Окончательно привыкнуть к этому было нельзя. А теперь проявившиеся события стали настолько явными, что невольно мелькнула мысль: система «Скиф» соединилась с аномальным неизвестным эфиром (возможно, и духом), который выдал ей именно ту картинку, которую запрсило у системы неконтролируемое человеком подсознание.

Крыншин знал, что система постоянно совершенствовалась и, в принципе, пределов этому быть не могло. Но чтобы вот так вдруг выдать ощущение такой реальности!..

«Или может, - подумал он, - это попросту «глюк» системы с ее временным «меряченьем» сознания, если, допустим, рассмотреть систему, как живой организм...»

До этого, - не забывал Крыншин, - он уже сделал одну попытку окунуться в атмосферу замирья петровских времен, и это ему отчасти удалось. Сейчас ему отчетливо вспомнился эпизод на танцах в старом районе Санкт-Петербурга, в Замиранихе и очень близкие бирюзового оттенка глаза восемнадцатилетней девушки и ее влажный поцелуй. Он и теперь ощутил на своих губах капельки ее слюны; и он вновь услышал ее смех. И теперь он вспомнил и то, как она что-то говорила ему. Да, да, так было; и сейчас он мог поклясться, что узнает ее голос из тысячи других.

Он взгляделся нетерпеливее и внимательнее и прислушался к начавшемуся диалогу, различая в нем и этот знакомый приятный женский голос. Но его перебил другой:

- Вы должны немедленно организовать поездку в Новый Иерусалим и найти настоящую могилу патриарха Никона, - услышал Крыншин немецкую речь, начиная различать чутким слухом и неторопливые тяжелые шаги говорящего, как бы, в паузах между тихого стука каблучков его обуви. Эхо указывало, что беседа велась в небольшом укромном помещении. - Нам необходимо срочно совершить сакральный обряд над останками патриарха. Это позволит священному миру подчиниться нашей воле, и тогда потенциальная единодержавная императрица Екатерина – а до этого недалеко - наконец, окажется в наших руках!

- Император Петр не вечен. Он, судя по нашим гороскопам, протянет несколько лет, если вдруг и до того срока не подхватит какую-нибудь болезнь, что, думаю, возможно...

На последнем слове говоривший сделал многозначительный акцент, из чего можно было сделать вывод, что это были заговорщики: Петра I могли и убить.

И вот, наконец, Крыншин, увидел этого говорившего: в черно-белом изображении, уже довольно четком, хотя по экрану или субстанции явленного прошлого пробежали, словно сполохи, цветные языки эфирного миража; и вновь пришло сомнение: может ли это быть не постановкой?!..

Но уж слишком много самых осязаемых деталей наполняло атмосферу комнаты двух беседующих заговорщиков.

«Странно, но где же она?!» Вторым из заговорщиков был юноша, одетый в парик, очень благообразный, и он кого-то Крыншину напоминал. Был он красив, и, может даже, слишком, чтобы не вызвать у Крыншина, помимо симпатии к нему, и легкой неприязни, смешанной с брезгливостью. Он имел большие выразительные глаза; был он с ровными темными бровями, узким нежным подбородком, с коротко подстриженными черными усами.

Но когда этот юноша заговорил, у Крыншина побежали мурашки по телу. Это была перодетая молодая женщина: та самая, которая недавно побывала в его объятиях и с которой он целовался. Он тут же узнал ее, когда она открыла рот, но за первыми оттенками ее очаровательного мелодичного голоса последовало ее жуткое предложение:

- Можно устроить, например, катание государя по Неве, а рядом подстроить катастрофу какого-нибудь бота с моряками. Он обязательно полезет в воду их спасать! А когда человек перенес ряд простуд, да болят почки, такое купание в холодной воде губительно для любого организма, принадлежит ли он простому смертному или императору!

- Вы можете это устроить?

- Да. Хотя жене нашего неутомимого преследователя раскольников протоинквизитора Широкова, Марфе Кирилловне, это было бы легче. Вы намекните ему, Василию Павловичу, что слышали от лейбмедика государя, как государю была бы полезна такая поездка. И сами придумайте дополнительный хороший предлог.

- Подскажите это предлог вы, Кэтрин, в этом вы, может быть, большая мастерица, чем я.

- Ну, например, что был бы знаменателен и восхитителен проход личного императорского судна у берега района Замиранихи, где по велению государя как раз открыт парк и при нем несколько увеселительных площадок.

- Ведь вы только что побывали там, не так ли?

- Конечно! Должна же я была убедиться своими глазами в том, на что предлагаю сослаться самому императору! – Здесь она, не скрывая явного злорадства, тихо рассмеялась. Затем продолжала: - А, кроме того, уже окрашена, наконец, кирпичная ограда цехов его любимых литейных лабораторий, вместе с их страшными трубами, подпирающими облака. Ведь, если мне не изменяет память, это именно вы, барон Брамс... то есть, простите, господин Брамсов, занимались их ремонтом и приведением в порядок. Вот тут уж, полагаю, и вам карты в руки. Похвалитесь, что ли?..

- Ну-у... Мои карты легко побить. Главным лицом в сих секретных мастерских остается, пока еще, граф Томов, и лавры пожинает, несомненно он. Что моя похвальба?!

- Я убеждена, что вы по своей доброте душевной без колебаний уступили ему свои лавры... Но вы правы, необходимо, чтобы все так и оставалось. Таким образом, вы можете подойти с поданной мною идеей к графу Томову, а он передаст ее своему государю: не упустит возможности выказать ему свою любовь и преданность. Рыба и клюнет...

Она сделала паузу и добавила:

- Ведь это у вас, барон, а не у меня, столь далеко идущие планы: - подчинить своей воле волю Екатерины I. Я в этом заговоре всего лишь ничтожный мираж вашей потаенной тени и

в случае чего могу попросту кануть в ней, без всякого после себя следа. Да, я этого опасаюсь. Небытия!

- Вы напрасно беспокоитесь. Я говорил вам и повторяю: вы, Катрин Потоцкая, что живете в русском мире Катей Потоцкой и даже Марией Ясницкой, благодаря принятию православия и имени покойного мужа Ясницкого, тот час выйдете из этой тени и обретете самую осязаемую, самую восхитительную власть, как только с вашей помощью мы добьемся своего, - сказал Брамсов.

«Как только мы выйдем к свету» - почудилось в этих словах Крыншину, будто он был свидетелем беседы двух призраков.

- И, возможно, - продолжал Брамсов, вам, как и мне, больше не придется притворяться, что вы всецело русская душой и телом, чтобы претендовать на часть влияния и власти... И всемогущий князь Меншиков тоже не вечен. После смерти Петра мы подумаем, как принизить или вовсе уничтожить и его влияние тоже...

- Да, да! Например, мы внушим князю мысль, что ему непременно надо выдать одну из своих дочерей замуж за сына императора и императрицы - Петра II. Он еще малолетка, но князь, чтобы стать его регентом, почти монархом, не откажется от такого шанса. Уж поверьте мне!

- Я и сам так думал.

- А затем только останется внушить отвращение нового молодого императора к этому выскочке князю-кесарю...

- Несомненно, вы далеко пойдете, даже дальше, чем я предполагал, - вдруг с ворчанием произнес Брамс. - Вы уже и сейчас забежали слишком далеко вперед.

Но видно было, что она лишь читала его тайные мысли.

- У меня хороший учитель! - сказала она.

- Только не вздумайте и намекнуть кому-либо об этом!

- Не беспокойтесь. Операция «Глория», - а ведь вы не отказались бы так назвать ее, не правда ли, барон, - останется в нашей с вами глубочайшей тайне. Я, со своей стороны, начну свой заход с жены Широкова.

- Что вы сделаете?

- Я, как вы сами утверждаете, на многое способна. Сегодня же напишу сценарий постановки «Катание на корабле императора-цезаря со свитой вдоль Замирья». И эту пьесу Марфа Кирилловна Широкова, незамедлительно поставив для императрицы, потом с моей же помощью дополнит новыми ужасными деталями, когда уже все закончится.

Брамсов тоже тихо засмеялся.

- Только надо позаботиться, чтобы пьеса была поставлена прежде, чем Петр, совершив, как вы придумали, безумную вылазку в холодную Неву, сляжет в постель, чтобы больше никогда не подняться... Иначе будет утеряна возможность лишний раз показать будущей императрице, кто ее друзья. Мы еще вытравим из русских мысль опираться на веру своих далеких предков: что у них имелась реальная сила, влияющая на мир! - с пафосом воскликнул барон.

Да, с тех пор, как образовались новые европейцы - немцы, французы и англичане, нашей главной задачей стало сведение доминирующего влияния славян к нулю, - продолжал он, не в силах на том успокоиться. - И когда-нибудь если не мы, так наши потомки спляшут танец победы над Русью, когда она, наконец-то, превратится в мираж...

- Скажите уж сразу - в зеро, чтобы вместо них - ничего, пустота.

- Кто-нибудь скажет и так... Но это будет возможно лишь при условии, что русские сами уничтожат себя. Мы же должны лишь подталкивать их к этому: планомерно и терпеливо.

- Сами русские?

- Иного пути не будет... И ваша задача уже сейчас найти для себя надежных русских помощников среди дворянской знати и купеческой молодежи, за которыми влияние в будущем.

После того, как Петр позволил дворянам заниматься торговлей, торговцы видят, что перед ними распахнулись двери в дворянство. И вот еще что... Обратите особое внимание на купца галантерейной и веретенной лавки в Замиранихе Ивана Протасова... Он недавно потерял отца, оставил в Новгороде четырех замужних сестер, и сейчас одинок. Так что он будет искать любых встреч для знакомств и приобретения друзей. И он отправится на танцы!

- А-а! Вот кем предстоит мне заняться немедленно? – воскликнула Ясницкая. – И она зажигательно засмеялась.

(Наблюдая сцену на экране монитора, Крыншин почти увидел ее рот, полный крупных зубов, и опять почувствовал поцелуй). Когда она успокоилась, Брамс продолжил:

- Да, именно им, купцом Протасовым! Это мое задание.

Вновь наступила пауза. И затем разговор продолжился:

- Он прибыл в Санкт-Петербург впервые. Его отец, купец Пров Протасов, долгое время выполнял поручения императора в дальних морских походах. Он привозил разные чудесные предметы, книги, в том числе способствующие развитию металлургии и изготовлению новых пушек. Не удивлюсь, если в секретных подвалах или в мастерских, что в лавке Замиранихи, он оставил сыну в наследств то, что может пригодиться нам для уничтожения всего русского духа и подчинения всей Российской империи немецкими интересам. Речь идет о могучих сакральных вещах!..

- Понимаю, - задумчиво сказала Ясницкая. - Начинается война не на жизнь, а на смерть.

- Да, и кто-то один станцует над останками другого. Но я уже вижу, как ваши сапожки топчут славянский пепел! С твоей помощью, и при помощи таких, как ты, - вдруг добавил он грубо и повелительно, - этот «кто-то» будет твой родной народ, а не эти чужеземцы нашего Земного шара!

- Все же это, на мой взгляд, слишком уж топорно - считать чужеземцами аборигенов! – с усмешкой возразила она, видно, недовольная поучениями и напором, которых видно долго не могла вынести ни от кого.

Брамсов это знал. Он усмехнулся и пожал плечами.

- Ладно, пребывай в этом ложном убеждении. Это, по крайней мере, сейчас для тебя будет безопасней. Да и для нашего общего дела умнее! Русские красавицы, как вышли в свет, - потеснили наши немки и пользуются большим успехом. Так что оставайся русской немкой, но помни: начатое сегодня дело потомками будет доведено до конца!

- Эх, ждать так долго! Я не люблю ждать, вы же это прекрасно знаете, барон. И не говорите больше о сверхзадачах – о далеких потомках и, наконец, о конце света! О том, что Земля – это шар. Зачем забивать голову бедной девушке тем, чего ей никто никогда не подтвердит?

Брамсов вдруг загадочно расплылся в усмешливой улыбке. В ней Крыншин заметил и отеческую доброту.

- Не спешите с выводами, баронесса, - сказал он, вновь перейдя на «вы». – Может, я еще посвящу вас в то, что должен держать за семью печатями. Среди членов нашего общества нет женщины, и вы, возможно, станете первой. Тем более, что этот мужской наряд вам так к лицу!

- Жалко, что ему суждено оставаться маскарадным.

- Да, вы слишком красивы, чтобы нельзя было с первого взгляда разглядеть в вас женщину, и голос ваш слишком нежен... Но это неважно. Главное, у вас тот же острый взор, как у хищника, и изощренный беспощадный ум, как у мужчин, и вы еще, повторяю, можете воочию увидеть то, что считаете туманом будущего.

- Да, он как мираж, который можно никогда не увидеть!

- Уверяю вас, туман, о котором говорю я, - иногда принимает очертания отчетливых миражей, приходящих, как награда, из высших сфер!

- А-а, вы о сакральных вещах! О вызывании духов?..

- Не смейтесь! Кое-что мы уже можем разглядеть и сейчас. Но чтобы будущее видеть лучше, нам теперь нужны некие металлические пластины, обладающие чудесными свойствами. Возможно, такие привез из Америки отец молодого купца Протасова. Надо проверить.

- Для вызывания еще боле отдаленных миражей? Все равно скучно! – сказала она, разглядывая свои ухоженные ногти на вытянутой руке.

- Словом, осторожно выведайте, нет ли таковых у Ивана Протасова. Но уже будьте в женском платье, потому что иначе вам пришлось бы укоротить ваши ноготочки!

- Ха-ха-ха! Как вы милы, господин Брамсов! Благодарю вас за комплименты. Я все поняла. И я сейчас же иду переодеваться... Что касается этого мундира, вы же прекрасно знаете, что я им пользуюсь только в ночное время... И не вздумайте подсматривать в щелку!

- Этого мне еще не хватало! – буркнул Брамсов; затем он потянулся за шляпой, лежавшей на столе.

Состроив ему прощальную гримасу и помахав рукой, девушка быстро встала с кресла и неподражаемой походкой кокетки, стуча каблуками сапожек, прошла в другую, спальную комнату.

Брамсов покачал головой, вздохнул, направился к двери и открыл ее. Дверь тихо скрипнула, и за ней раздались звуки его постукивающих каблуков и шарканье удаляющихся шагов. Затем послышались отдаленные голоса, мелодично ударил колокольчик и за гостем закрылась дверь дома.

2

Глаз монитора последовал за женщиной. Крыншин с интересом стал рассматривать сцену быстрого преобразования молодого военного в молодую и очень привлекательную как своей красотой, так и ожидаемо пышными телесами молодую даму. Она сняла макияж, разделась, облачилась в пеньюар и ослепила Крыншина совершенной юностью.

Она и сама могла бы получить удовольствие от мыслей, что так молода и хороша. Однако выражение ее лица сейчас было слишком сосредоточенным и даже сердитым.

И тут Крыншин отчетливо услышал ее мысли. Или же она произнесла их, как чревовещатель:

«Ты, господин Брамсов, еще не знаешь, как я умею перевоплощаться на самом деле! То, что я сейчас продемонстрировала для тебя, это, действительно – бутафория! И эти мои жалкие усики, и мой воркующий голос, и моя готовность идти под плаху за призрачные обещания, - это лишь для ваших ушей и лишь потому, что мы оба из тевтонского теста. Это Россия, и я здесь, в отличие от вас, может, навсегда! Я не испорчу себе жизнь постоянной мыслью о мести славянам, может, и беспричинной. Тогда как ты, - в отместку перешла она на «ты», - несомненно, живешь не будущим, а настоящим, срывая дивиденды за свою политическую интригу, а вернее – за тайные черные заговоры. Ты, возможно, и сам всего не понимаешь, и никогда не узнаешь, какая действительная сила стоит за всеми познанными нами сакральными тайнами, в прахе патриарха Никона!...»

«Может, - продолжала размышлять она, лежа на подушке и разметаив по ней волосы, - этот сакральный мираж - вовсе и не земная сущность, и целей ее до конца не познать никому! Пользуясь им, надо помнить, что в то же время и он, со своей стороны, пользуется тобой!»

Она вздохнула. «Но мне, барон, как ни страшат эти тайны, увы, не обойтись ни без твоей поддержки, ни, может, без поддержки тех, кто составляет другие тайные общества в Санкт-Петербурге и в Москве...»

«...Тебе нужны воплощения замыслов, мне же – моя игра! Бесконечная игра!

Ты еще не видел меня в этой игре. Я, когда необходимо, устраиваю свой, реальный мираж, и испытываю настоящее счастье, когда погружаюсь в него, в то, что сотворила своими руками, своим умом, своей красотой!..

Мне нравятся русские витязи!.. И я, в отличие от тебя, верю в Ослабю и Пересвета, в их победу над монголами. И мои предки помогали им в этом! И вот за эту победу, за вечное осознание долга Запада перед Русью, защищающую запад от восточных орд, ты так ненавидишь этих людей!..»

- Если бы Брамсов теперь имел чудесный слух и мог послушать мысли своей сообщницы, он, наверное, попросту вернулся и задушил бы ее! – произнес с мщением к барону Крыншин, не упуская из внимания ни одной детали тела Ясницкой, деталей ее ночного покоя на белой пуховой подушке, которые так четко изображала система «Скиф».

– Но если бы она могла знать, что я сейчас залез в ее спальню, - добавил он почти про себя, - она задала бы форы и Брамсову: придумала бы и свершила надо мной свою собственную и очень изощренную казнь!..

Но Крыншин скромничал. Тем более, они целовались...

Он тоже был статен, очень привлекателен, густоволос, с ровными линиями черных бровей над серыми, от природы, пронизательными глазами, с ровным и, правда, длинным носом, больше подходящим для ученого, чем для того, кто уже желал быстрого и беспрепятственного повторения поцелуя Кэтрин; с сильными руками и ногами.

Единственно, чего не хватало Крыншину, - это роста. Хотя в восемнадцатом веке его могли бы взять и в прусскую гвардию. Впрочем, Кэтрин тоже была невысока, и он помнил, что когда она подставила ему свои губы, она запрокинула лицо вверх, чтобы дотянуться до него...

Тут ему вдруг почудилось, что пространство перед ним растворяется, очертания монитора исчезают и он, будто перешагнув портал, начинает приближаться к телу женщины, наполовину укрытой в постели легкой простыней.

- погоди! – вдруг приказал он себе. – Если все было реальностью, то мою встречу с Кэтрин и поцелуй на танцах, несомненно, уже зафиксировала либо система «Миассида», уже подключенная к поиску следов золота Ивана Протасова на Урале, либо «Гипербопрея», включаемая, когда изучаются события в северной части России, в Петербурге.

В заговоре с системой видео-реконструкции «Скиф» эти системы могут выбросить на экраны мониторов ведомства «Три кашалота» и какую угодно эротическую сцену.

Не постесняются: и глазками индикаторов не моргнут. Так что будь осторожен!..

- Эх!.. – Крыншин с сожалением вздохнул. Но даже эта мысль – не забывать об осторожности - все же, не смогла заставить его отказаться от того, чтобы затем прокрутить увиденные им картины, изучая различные детали, Кэтрин, столько раз, сколько ему казалось необходимым для дела.

3

Время, проведенное Крыншиным для составления еще одной новой программы, с целью создания непрерывного видеоряда просмотренных им минувших событий, включая участие баронессы Ясницкой (то есть Потоцкой и Потощевой) и барона Брамсова, даром для него не прошло.

Ему удалось вернуться и зафиксировать эпизод, где он танцевал с Кэтрин (Катей) и обнимал ее.

Переписав этот эпизод для личного пользования, он стер ненужное для посторонних глаз, чтобы вернуться и продолжить начатое ранее наблюдение за событиями на той же танцевальной площадке среди веселящейся молодежи.

Кроме того, фиксация в прошлом этой площадки была уже необходима; сегодня здесь побывала в качестве разведчицы Кэтрин, а завтра здесь может появиться и одинокий Иван Протасов, ищущий новых знакомств и связей.

Кэтрин же, выполняя возложенную на нее миссию обольстить молодого купца, несомненно, сделает для этого все от нее зависящее.

Тем более, что он, как упомянул господин Брамсов, жил в этом районе Замиранихи, преобразованном в один из культурных кварталов пригородной зоны.

Но сделав контрольную попытку, сколько Крыншин не бил по клавишам, изображение больше не появлялось.

Однако вместо этого на экране вдруг вспыхнули страницы старой рукописи, уже стилизованные для современного их прочтения. Компьютер приглашал к новой работе.

Только это был, опять же, новый текст, которого не было в расшифрованных данных о Протасове. И, значит, объективность событий прошлого могла быть только условной...

IV

СВИДАНИЯ НА ТАНЦАХ В ЗАМАРАНИХЕ ЛЮБОВНЫЕ ИНТРИЖКИ

(Рассказ)

«Среди танцующих купеческих и дворянских девушек особо выделялось несколько: это дочь посланника императора в башкирские земли Зауралья графа Осетрова Наталка Осетрова и подружка ее, дочь богатого купца Настасья Костромина.

Возле них выюном вился тот, кто не забывал напомнить о своем звучном звании и имени – поручик Юрий Бецкий. Это был молодой красивый дворянин при шпаге, рослый светлосолосый юноша с черными широкими бровями, большим курносом носом и черными, как смоль, острыми усами, видно подкрашиваемыми; с хмурым выражением на лице, видя которое, расступались все, не исключая и тех, кто по положению своему был выше этого человека.

Имя его дядюшки, Василия Широкова – протоинквизитора и грозы раскольников Санкт-Петербурга - вызывало такой трепет, что становилось точно непререкаемым и положение достойного его мрачной славы племянника.

Пожалуй, не выказывал никакой робости перед Бецким сын купца Мокеева Соломон. Крупный и сильный, он выделялся среди других юношей настолько явно, что, вероятно, воспринимался, как некая диковинка, а не соперник, и поэтому, когда Соломон нечаянно или же намеренно в танцах задевал Бецкого, толкал его или ударял своим острым и сильным локтем в бок, тот, бряцая шпорами перед какой-либо барышней, почти не обращал на это внимания.

Это выказывало его свойство: быть терпеливым, когда необходимо. И эта черта в сочетании с волевым и непримиримым взором, указывающим на твердый характер, делало его загадочным и устрашающим.

В тот день, когда неловкость Мокеева проявлялась так явно, что это даже кое-кому бросилось в глаза, Бецкий, верный себе, вдруг переключился на ухаживание за появившейся здесь исключительной красавицей; и он, казалось, и не отрывал от нее насмешливых и требовательных глаз.

Этой девушкой была немка или западная прибалтка Кэтрин, называвшая себя русским именем Катя, с мягким знаком между звуками «т» и «я». И она по-видимому весело поддавалась начатой Бецким какой-то игре. Поначалу и она безоглядно кокетничала и будто уже не желала иного партнера, но все же часто оглядывалась по сторонам. То ли для того, чтобы ее очаровательным взглядом могли полюбоваться и остальные, то ли она пыталась выхватить этим

взглядом из толпы молодых юношей кого-то поинтересней поручика. Сейчас Бецкий продолжал веселить ее, в шутку произнося и в своем и ее имени вместо звука «е» звук «э».

- Да, вы настоящий дамский угодник, господин Бецкий,- произнесла Кэтрин, кружась в танце.

- Бэцкий, Бэцкий - к вашим стопам, принцесса Кэтрин,- делал он ударение на «э» и в ее имени, на немецкий манер, и она хохотала, очаровывая окружающих не только веселостью, своим призывным к любви взглядом, но и широко раскрытым ртом со слегка неровным, но так шедшим ей тесным и ослепительно белым рядом крупных зубов.

Держала она себя столь непринужденно, что в ходе танца успела подхватить с подноса услужливого слуги бокал с шипучим напитком, пригубить его и на следующем развороте вернуть на поднос.

Свидетелями этому были и стоявшие как бы в стороне от наиболее беззаботной части танцующих двое, занимающих наше воображение более остальных, - Иван Протасов и крайняя ветвь некогда именитых бояр, но чьи подвиги были почти забыты, Лука Саломатин.

Первый - он же сын новгородского купца, был выше среднего роста, подтянутый и складно одетый юноша с русыми волнистыми волосами и пронзительными задумчивым взором, в котором явно не было никаких дурных затаенных мыслей, но была жажда чьей-то обязательной жертвы, как во взоре у льва на покое.

Второй был высокий и нескладный, видно, в ученье недоросль, не броско и даже несколько неряшливо одетый в некогда красивый, но изрядно поизносившийся сюртук.

И если Иван смотрел на все вокруг ровно, до сих пор не выделив никого, то Лука, уже не впервые по какому-то наитию не отступавший от Ивана, навязавшись ему в мимолетные попутчики, весь этот вечер беспрерывно следил только за одной целью – за Наталкой Осетровой.

Девушка эта, стройная, слегка рыжеволосая, с правильными чертами лица, но, правда, сбоку казавшаяся несколько более курносой, чтобы быть названной несравненной красавицей, была по-своему великолепна.

Она была свежа и тоже весела, и она обратила едва не половину внимания мужских взоров, уступив лишь открывшей танцевальный бал на природе немке Кэтрин (называвшейся «Катьей»), потому что в имени Кэтрин, когда произносила его, будто нарочно грассировала и картавила в слог «рин», чем вызывала улыбки и даже смех.

Когда над этим засмеялась Осетрова, Кэтрин сердито передразнила ее: «Наталка-каталка!» Но и это вызывало лишь смех веселушки Осетровой, и поэтому Кэтрин чувствовала себя на этом бале, судя по всему, включая и искусство запросто входить в любое общество, как хозяйка.

Но и Наталкой - высокой, со светло-русыми кудрями и ясным взором, с двумя дорогими серьгами с красными рубинами на белых мочках, не восхищаться было нельзя.

Мужчины и девушки гадали, кому, в конце концов, она отдаст предпочтение. Грудь ее была пленительно приоткрыта, она могла позволить себе это, будучи в длинном, воздушном, как у принцессы, платье.

Она сейчас заразительно смеялась и приближалась ко рту Соломона, как бы подставляясь под его поцелуй, но никогда поцелуя ни себе, ни ему не позволяла.

Временами она тоже вдруг оборачивалась, явно отыскивая один единственный серьезный объект внимания в толпе, и, отыскав, сосредотачивала слегка томный взор на высокой и несколько нелепой в своем неряшливом костюме фигуре Луки Саломатина.

И тот под этим взглядом старался подбирать свою долговязую фигуру, распрямить плечи, словно, верил, что это позволит также придать новизны его поношенной одежде.

Пунцовая краска выступала на его красивых скулах. Мочки его ушей пылали, нежные, как у женщины.

Он нервничал, и вначале то и дело трогал уши, потом перешел на кончик носа, будто проверяя, на месте ли он и будто стараясь сделать его еще более ровным и правильным, как у олимпийского героя в холодном мраморе.

Почти иссиние глаза Луки, казавшиеся темными, хотя и прятались в прищуре несколько простоватого от робости лица, все время страстно ждали взгляда Наталки, а когда этот взгляд покрывал другие пространства, словно, спеша запечатлеть на память весь мир юности и пробуждавшейся любви, юноша смотрел на девушку, как на свою жертву. Он словно уже чувствовал, что еще немного времени, более благоприятные обстоятельства – и он овладеет ею.

Его высокий рост, на самом деле, заметно выделял его среди других юношей. И те, кто завидовал его статности, поневоле старались вытянуться повыше.

Но все же, главное внимание сейчас занимал именно Бецкий, блестящий офицер, с сильными, упругими ногами, обтянутыми узкими панталонами, в длинных начищенных, почти лакированных черных ботфортах, с подчеркнuto горделивой осанкой. И если мужчины предпочли красоту Кэтрин Потоцкой и Натальи Осетровой всей остальной, их окружающей по периметру танцплощадки, то никого среди мужчин не было более красивого и успешного в глазах женской половины общества, чем этот молодой поручик?

Танцуя с Кэтрин, Бецкий придерживал свою длинную тонкую шпагу, ни на кого не обращая внимания, но эта шпага все же, то и дело задевала то край платья, то ноги танцующих мужчин.

Кэтрин, казалось, становилась все более обольстительной. Темно-рыжая, будто выкрашенная, шатенка, сильная и гибкая, как кошка, вытянувшаяся и ухватившаяся за скатерть стола, чтобы безнаказанно опрокинуть бокалы, она старалась не выдавать своей усиливающейся усталости, хотя уже как бы умирляла порывы партнера. Наконец, она стала вести свою партию танца более плавно. От усталости застегнутое у подбородка платье явно стало стеснять ее, и лицо ее, словно выразило желание срочной передышки.

Взглянувшему на нее долгим взором Ивану даже почудилось, что окоем воротничка ее высокого воротничка стал натирать ей шею, и на один миг он уловил в ее взоре и мучительную нотку протеста затянувшейся музыке танца.

Как раз в тот момент Кэтрин сосредоточила все внимание на нем, но Иван глянул и на неумоимого поручика. Он давно узнал в нем того, кто недавно с небольшим военным отрядом обходил район Замаранихи, лощеный и дерзкий, со шпагой, чему Иван очень позавидовал.

«Зачем он здесь, среди нас, затесался? – задался вопросом Иван. - На его месте я бы тут не околачивался, а искал бы внимания тех, кто ближе к знатым вельможам, чтобы сделать головокружительную карьеру!..»

Да, таким, честолюбивым, был Иван Протасов, купеческий сын, тоже - по-своему - не обделенный ни божьей милостью, ни императорской, получивший возможность перевезти в Санкт-Петербург из Великого Новгорода торговые лавки. Главная из них, в которой он и торговал, и проживал, быстро пополнилась новыми изделиями, взамен старого хлама, оставшегося от недавно умершего отца, новгородского купца Прова Протасова.

Привитая отцом любовь к ремеслам, к резьбе по дереву и металлу настолько увлекла Ивана, что он непрерывно мастерил оклады к иконам, приклады к пистолетам, фузеям и мушкетам и, в конце концов, взялся за изготовление самого оружия, по возможности богато инкрустируя его. Теперь он мечтал о литейной кузнице с мастерской.

Он мечтал попасть в литейные императорские лаборатории, и он знал, что достоин той участи.

С самого детства его интересовало все, что можно было изготовить своими руками. Кроме того, он уже прочитал много книг по металлургии и химии. Он проводил собственные опыты.

И он мог бы пойти учиться дальше, если бы представилась возможность. Но уже в цехе, у горна, у огня плавки...

Он перенимал манеры молодых дворян, и теперь он мечтательно любовался и танцем Кэтрин, и танцем Бецкого.

Правда, относительно своего характера и образа жизни Бецкий не мог ввести Ивана в заблуждение. Этот поручик был первый дворянин, с которым Иван познакомился, прибыв в Санкт-Петербург, и тот произвел одновременно впечатление восхищения, зависти, и отвращения. Явно подвыпивший дежурный отряд обходил Замараниху в поисках раскольников-староверов, чтобы всячески унижить.

Бецкий и к нему, Ивану, при встрече выказал недоверие. Потом, правда, предложил вступить в его отряд, по сути – дружбу, даже звал в трактир, чтобы оттуда направиться сюда же на танцы, но Ивану тогда было не до того, он отказался. Теперь, несомненно, помня этот отказ, Бецкий сейчас мстительно, нарочно не замечал его.

Однако Ивану показалось, что Бецкий становился все более развязным и нахальным. Он то ли почувствовал, как ослабела девушка, то ли хмель ударил ему в голову, но только он все громче стал покрикивать музыкантам:

- Наддай!.. Громче!.. Еще наддай!.. Веселей!..

Иван не стеснялся женщин, и, не тратя понапрасну денег на наряды, живя скромно, время от времени приглашал к себе на утеху какую-нибудь смелую девицу из купеческого сословия, или смазливую молодую девку-прислугу, за плату и угощение, не позволяя никакой из них сближаться ближе того расстояния, которое отмеряла им краткая ночь любви. Но теперь, глядя на Кэтрин, поймав, наконец, обращенный на него ее призывный взор, в котором будто была и мольба, обещание встречи, он подумал: «Надо будет одеться приличней и показаться ей на глаза в новом костюме. Вдруг да оценит! Красива и стройна, да ростом невелика, чтобы слишком зазнаться, а я перед ней великан!»

«Чуть выше среднего роста и не первой красоты, слегка курнос, но с правильными, ровными и симметричными чертами лица, с черными прямыми бровями, с достаточно глубоко утонувшими, но ясными серыми глазами, в которых легко прочесть доброту и умение приласкать, - неужели при всем этом этот юноша не сделает попытки соблазнить меня?» – думала об Иване Кэтрин, идя к своей цели.

И вдруг он увидел, как она пошатнулась и побледнела. «Наддай! А-ну, еще наддай!» - опять крикнул Бецкий.

Он – тут же решил Иван - никак вознамерился унижить и девушку, чтобы было легче завладеть ею, подхватить, может быть, грубо и силой унести до своей коляски.

Она все еще пыталась улыбаться и по возможности вежливо слушаться своего партнера, но Иван уже не видел для себя иными замыслы не знавшему преград своему бесстыдству и своей безнаказанности поручика. Он увидел в дьявольской улыбке Бецкого и показавшиеся острые зубы, которыми тот уже готов был впиться в шею своей жертвы.

Несомненно, Кэтрин, как и многим девушкам, хотелось бы его внимания, и, может быть, она и была готова принести себя в жертву ради красавца-офицера. Так подумалось Ивану. Он почувствовал внезапную ревность и вдруг перегородил этой паре дорогу.

- Позвольте, сударь, - чеканно, с невероятно вымученной деланой улыбкой сказал он Бецкому, останавливая его жестом руки. – Я полагаю, что вы не цезарь, чтобы распоряжаться весь вечер единственной царицей на этом общем празднике?

- У-у-у! – услышал он, как загудели девушки и юноши вокруг. Девушки - от возмущения, что кто-то лишил их права быть первыми, мужская половина – желая выказать ему презрение и тем защитить достоинство женского окружения, восстававшего вокруг. Это восстание делало девушек упрямей и менее сговорчивей.

- Будто растерявшаяся, Кэтрин невольно схватилась за воротник, но слегка отшатнулась от заступника и невольно ближе прижалась к Бецкому. Но, видимо, став слишком доступной, она стала быстро терять для него интерес.

Тем более, что он видел, как неожиданно перегородивший ему дорогу Иван достаточно силен, хотя и не был выше его ростом.

Бецкий, верный каверзным чертам своего характера, внезапно расхохотался и, вопреки всем ожиданиям толпы, подтолкнул девушку к Ивану.

- Бери! Пользуйся! – крикнул он, и сам с удивлением увидел, как Кэтрин, только что цеплявшаяся за него, теперь внезапно обхватила за плечи его противника, словно ища нового утешителя. – То-то я вижу, что вы так бледны!..

Глядя на Кэтрин, робкую и трепетную, можно было подумать, что это был один из самых первых - и печальных - опытов молодой красивой девушки, быть может, только подозревавшей о том, что мужчины могут быть так беспощадны и жестоки. В течение нескольких секунд ее ухажер обернулся из страстного кавалера в того, кто мог ее и предать, и продать, лишь только ему это стало выгодно.

И это было наукой не только ей, но и другим, кто воочию убеждался в силе дворянского титула, в силе богатства, и в том, какая пропасть отделяла бедных и купеческих сыновей и дочерей от богатых, а менее влиятельных дворян - от приближенных к царскому двору.

И все же в наступившем на минуту затишьи, - умолкли и музыканты, - ощутилась какая-то необходимость окончания другой развязки, может, и драки. Но никто не шелохнулся, не выкрикнул в адрес нового влиятельного повесы оскорбительного слова. Может, каждый из молодых людей здесь ощущал на душе то же, что Иван.

Ему тоже надо было учиться терпеть и держать себя в руках. То, как поступал император Петр I по отношению к своим подданным, к купеческому сословию, каждой молодой честолюбивой купеческой душе подсказывало, что если к умению приложить и терпение, можно подняться очень высоко. Верных толковых служилых людей императору для всей России было нужно много. А нерасчетливо лезть в драку - значит, быть битым всю жизнь.

Бецкий знал, как вести себя дворянину. Он, оглядел толпу. Затем деланно шумно вздохнул, вытащил из кармана часы с золотой цепью и взглянул на них.

- Ваше счастье, что мне пора, - сказал он как можно беззаботней. И, обратившись к Кэтрин, будто с мстительной улыбкой добавил для нее, - иначе я ни за что не уступил бы вас! Затем, напоследок исподлобья изучающее он еще раз взглянул на Ивана, поправил шпагу, перевязь на груди и громко, чтобы слышали все, добавил, уже лично Ивану: - Ждут государственные дела. Спасибо, что вы напомнили мне об этом, хотя и в такой грубой, мужицкой манере!

Он топнул, зазвенела шпора. Он повернулся и вышел из круга готовых продолжить танцы юношам и девушкам.

Иван некоторое время оставался стоять в задумчивости: ему вдруг показалось, что Бецкий и Кэтрин были давно знакомы и просто от скуки разыгрывали здесь спектакль...

V

ПОБЕДА НАД СЕРДЦЕМ НЕЗНАКОМКИ

(Рассказ)

Танцевальную площадку покинул самый яркий из мужской половины, дворянин и офицер. А сын купца и сам лишь купец Иван Протасов, глядя вслед молодому дворянину в блестящем офицерском мундире со шпагой на боку почувствовал, как зависть кольнула в самое сердце.

Но в то же время значительно успокоило его самолюбие и то, что он отбил у этого офицера красавицу. Близкий запах ее волос у его плеча начал кружить ему голову.

«Видно, в этот вечер ты, Кэтрин, словно, боишься оставаться одна. И я должен воспользоваться этим!» - подумал Иван, хотя за те же мысли, имевшиеся и у ретировавшегося поручика Бецкого, Иван минуту назад и возненавидел его.

Кэтрин, жгучая рыжеволосая красавица в сплошном платье до самого подбородка, оставалась рядом, правда, уже чуть отстранившись и начав тщательно поправлять складки платья. Было видно, что она не спешит уходить.

Музыканты устроили перерыв. Пока Иван подбирал слова, чтобы продолжить знакомство, она заявила:

- Зачем вы это сделали, сударь? Зачем перегородили нам путь? Мы могли бы еще танцевать! Напугали музыкантов!

- Мне показалось, что вы чрезвычайно утомились, сударыня, уворачиваясь от ботфуртов того вашего красавчика, который чуть не раздавил вам ноги. И потом, он здесь не единственный, кому вы нравитесь!

Она дотронулась до воротничка платья у шеи, где Иван заметил небольшой покрасневший участок: воротничок натирал его.

Улыбнувшись и кокетливо склонив голову, она тихо и загадочно произнесла:

- Нет, что вы! Пручик Бецкий хороший партнер, я его давно знаю. Хотя он и разочаровал меня, открыв темную сторону своей сути. Как легко он уступил меня вам!.. Значит, я вам нравлюсь, и вы тоже хотели со мной танцевать?

- Я и сейчас не отказался бы, сударыня.

- Так прикажите, пусть вновь начинают, - сказала она, пристально заглядывая ему в глаза, посылая сигнал к близости и окончательно очаровывая его.

- Играть! – крикнул Иван, пьянея от ощущения маленькой власти над толпой, ибо, повинаясь капризу первой красавицы, она как бы передала права задавать тон и ее храброму заступнику.

Музыканты, передохнув несколько минут, продолжили свою работу, Иван протянул к девушке руку, но она вдруг покачала головой.

- Я и впрямь чувствую усталость. Пойдемте, погуляем. Вы заинтересовали меня, мой новый кавалер! Со старым я еще, быть может, рассчитаюсь. А теперь вы расскажете мне: кто вы? Откуда вы? Чем занимаетесь в Санкт Петербурге?

- Зовут меня Иван Протасов.

- А я Катя Потощева...

Только теперь Иван заметил, что у нее исчез акцент.

Они стали выбираться из центра площадки, наполнившейся танцующими парами, когда рядом возникла одна из них - Соломон Мокеев со смеющейся Наталкой. Они уже проплывали мимо, взявшись за руки, но дорогу им внезапно загородила рослая фигура. Это был Лука Саломатин, и он прерывающимся голосом, но громко, чтобы привлечь внимание других, заявил:

- Сударь! Изволь отдать мне твою партнершу. Неужели ты не видишь, что теперь она предпочла бы танцевать с другим!

- Не с тобой ли, увалень?

- Да! – гордо сказал Лука, подбочениваясь.- Надо полагать, ты тут не один!

Иван и Катя, не веря своим глазам и ушам, остановились. Другим эта цена также показалась забавной. Этот красивый высокий парень, как попугай, произнес почти то же, что

несколько минут назад и заступник Кати. Это многие отметили и теперь смеялись, вставая возле и образуя круг.

Соломон Мокеев схватил Луку за пояс, приподнял и оттолкнул его животом. Лука вцепился рукой в кучерявые волосы Мокеева. Раздались крики. Соломон ударил головой в грудь своему противнику, пошатнул навзничь и повалился на него. Несколько ударов кулаками потрясли Луку, но он выскользнул из объятий Соломона и тут же вскочил, сжав кулаки и покачиваясь на длинных ногах, ожидая, пока соперник тоже поднимется. Затем они принялись колошматить один другого. Соломон, наконец, взревел и позвал на помощь.

На Луку, дождавшись команды Мокеева, тут же набросилось несколько человек, немилосердно его дубася, куда ни попадя.

Женская половина с визгом покидала площадку.

Музыка уступила место крикам и воплям.

Иван пришел на подмогу Луке. Каждый его удар отбрасывал нападавшего с силой Геркулеса. Через минуту в центре круга потешавшихся зевак остались только Иван да Лука. Тот вставал с колена и вытирал разбитое лицо.

Иван удивленно смотрел на свои кулаки, до сих пор не ведая за собой такой немилосердной силы. Жестоко побитые им из отряда Мокеева и зрители, стоявшие в стороне, со страхом, изумлением и почтением смотрели на него.

Из толпы вернулась Наталка и подошла к Луке. Она вынула шелковый платок и несмело протянула его юноше. Лука окровавленными губами пробовал улыбаться. Он обернулся и хотел подать руку своему спасителю, но тот, словно уже ничего не видя вокруг, молча и растерянно двигался вперед, подальше от этого места.

Это была его первая значительная победа.

Но он чувствовал, что отныне подобных побед у него будет много.

Какая сила вселилась в него, он не знал.

Но что-то подсказывало ему: все невероятное, таинственное, необъясненное, что случилось с ним до сего дня – это были первые знаки его, дарованного высшими силами, влияния на других людей, на весь окружающий мир.

Для целой группы сильных парней он остался неуязвим, и они, и другие, пока он шел, в почтительности расступались перед ним. Но, все же, он слышал раздавшиеся рядом, сквозь тяжелое прерывистое дыхание, слова Мокеева:

- Еще скоротаемся, Лука! Время рассудит!

Но в этих словах противника Луки Иван не услышал уверенности, и он не ощутил в них никакой опасности.

Он услышал еще слова благодарности и заверение в дружбе от Луки и машинально пожал протянутую им руку.

2

Было еще не темно, а кое-где вспыхнули первые уличные фонари, зажигаемые кряхтящими в больших усилиях добравшись до смоченных нефтяным маслом фитилей зажигальщиками-фейерверкерами.

Иван, жалея, что из-за потасовки потерял Катю, быстро исчезнувшую из виду, сворачивал за угол ровной улицы по направлению к своей лавке, когда здесь его настигла коляска и из нее его окликнул девичий голос.

Топот лошадей и шум колес не могли заглушить знакомые нотки.

Он с удивлением и радостью обернулся.

Кэтрин выглядывала из окна невеликой кареты, словно сделанной для подростков, но на ее двери он все же заметил баронский герб.

«Не может быть! – подумал он. – Она не может быть баронессой. Чего бы тогда ей танцевать в этом квартале и позволять так с собой обращаться! Бред!...» Ему хотелось протереть глаза, и в окне так кстати замаячил ее платок.

Девушка подзывала его.

Подойдя, он заметил, что она не одна; в глубине кареты мелькало лицо ее спутницы лет семнадцати, чуть подкрашенной и тоже очень миловидной.

Дверца кареты открылась.

- Садитесь!

Иван, более не мешкая, юркнул в эту, показавшуюся слишком тесноватой, карету, и попал в мир знакомого пьянящего запаха надушенных волос и платья.

Карета тронулась и покатила по мостовой. Внутри, за задернутыми занавесками, воцарился полумрак. Но если он еще пытался прочесть чувства девушки по чертам ее лица, то для тех, кто уже здесь привык к темноте, он был, как на ладони. На это указали блестящие глаза обеих спутниц, неотрывно его изучающих.

«Наверное, я им обеим понравился!..»

Он был покорен этим вниманием и все еще немало удивлен.

Он, одинокий, живший незаметно и не знавший со знатью, только лишь мечтал о таком романтическом случае, и вот он в клубах умопомрачительных запахов, в атмосфере совершеннейшей загадки и предстоящий приключений, чем бы теперь ни завершились они.

«Боже, но не в плену же баронессы я очутился?!...»

- Давайте знакомиться ближе, наконец, Геркулес, - сказала Катя и подала свою маленькую, но сильную руку. – Потощева Катерина, из русских литовцев. Зовите Катей. А вы, спросила она, не выдергивая руки, которую он, по-видимому, уже не собирался возвращать, - а кто вы такой, наш таинственный незнакомец?

- Новгородские мы, из Протасовых, - сказал он, улыбаясь, и теперь можно было видеть его ровные белые зубы за широкой улыбкой немного нахального мужественного лица.

Он, словно, изучал ее руку; рука оказалась холодна.

Но вся она, освобожденная от перчатки, казалась настоящим чудом: такая маленькая, трепетная и одновременно властная, так что по малейшим нервным подрагиваниям ее пальцев он мог чувствовать, что эта с виду хрупкая Катерина может с ним сделать все, что захочет.

И только эта мысль посетила его, он сразу же выпустил руку.

- Ну, а дальше? – холодно спросила она, словно слегка пытая в своих застенках.

- Я купец, имею лавки и торговлю. Мою главную лавку мы только что проехали. Там и мой дом, Катя...

Как приятно было произнести это имя.

- У тебя состоятельные родичи? – последовал ее вопрос. Но насколько он был ей важен, Иван до конца не понял, потому что в это время Катя вновь – привычным небрежным жестом - отодвинула штору. – Здесь на нас могут смотреть сколько угодно, - заметила она спутнице, и та, сделав вид, что шутку оценила, приснула смехом в ладошку.

Катя была более сдержанна и строга, и стало понятно, что рядом с ней ее служанка.

- Я здесь совсем один, с несколькими слугами. Родителей у меня нет, а оставшиеся родичи не богаты. Но у меня уже есть товар!.. – сказал Иван и поклялся, что, едва вернутся домой, отыщет среди этого товара – старого и вновь обретенного - что-нибудь достойное, чтобы в другой раз преподнести Кате в подарок в знак их знакомства.

- У тебя есть невеста?

- Да, есть, - сказал он. – То есть... была. Наверное. Отец хотел сватать, да не успел.

- Зачем вы обманываете меня, - укорила она, перейдя на вы. Если бы у вас была невеста, вы были бы не одиноки... Но хватит о таковой. Ее у вас нет! Это главное! Вы тоже понравились

мне, вы сильный, и я хочу представить вас моим друзьям. И, может быть, даже родителям. У вас есть, я надеюсь, одно приличное платье?

- Где бы вы ни достали его, - продолжала она говорить, - оденьтесь приличней, и придете, когда вас позовут... вот сюда. Видите, - указала она кивком из окна на стоявший в отдалении, разукрашенный в желтое и голубое, особнячок с четырьмя белыми колоннами, по две с каждой стороны, и еще двумя, поддерживающими массивный портик у входа.

Там стоял слуга, и Иван представил: скоро этот слуга и ему, Ивану, когда он пожалует к экономке баронессы Кате, поклонится ему медленно, как вельможе. Не то, что его помощники по хозяйству, кланяющиеся с утра до вечера, как китайские болванчики: во дворе и в избе, по поводу и без повода, лишь бы угодить и получить лишнюю копейку.

На околышке портика он также разглядел герб.

Его зовут в гости к баронам? Какое в самом деле положение занимает в этом доме Катя? Зачем она позвала его? Чем он заслужил столь щедрое ее расположение? Несколькими ударами кулаков? Которые, правда, были столь сильны, что он до сих пор едва и сам верит, что в одночасье стал одним из лучших кулачных бойцов Санкт-Петербурга.

Он никогда не был робким и трусливым, никогда не был и слабым. «Но чтобы тебя называли Геркулесом, надо было превратиться в такового, как в сказке, под действием таинственных сил и ради не мене таинственных причин!...»

- Теперь выходите, - заговорщически сказала Катя, прерывая его размышления. – Здесь мы в своем квартале, но все же, ваш купеческий облик может вызвать разные кривотолки и скомпрометировать невинных девушек.

Послушно выбираясь из кареты и озираясь, он слышал их тихий смех. Они обе явно строили из себя барышень!

Но он был на седьмом небе от предчувствия славы и, может быть, счастья, тем более, что этот смех, который он оставил в полумраке кареты, был подобен журчанию речки, возле которой он любил прохаживаться, отыскивая цветные камни в ее берегах, заросших невысокими нежно-зелеными кустами.

VI

ВИДЕНИЯ СВЕРШИВШЕГОСЯ БУДУЩЕГО. ПРЕДСКАЗАНИЯ

(Рассказ)

- Я могу предложить тебе больше, чем дружбу, больше, чем любовь, - говорила сейчас, подходя к дверям какого-то незнакомого подъезда, смеясь, Катя, с которой Иван познакомился на открытой танцевальной площадке в купеческом районе Санкт-Петербурга, - я могу подарить тебе знание своего будущего! Ты познакомишься с Альдигердией!..

Катя быстро напомнила о себе. Но судя по тому, что дом, куда они во время первой встречи подкатили на карете, оказался принадлежащим баронам, он не понимал, кем на самом деле являлась она - рыжеволосая красавица, свалившаяся к нему, как дар небесный. Но так пока и не позвав его в тот баронский дом, сейчас она привела его к своим неизвестным друзьям. Она позвонила, и им открыли.

«Я обрету это знание и, сможет, бессмертие, как только ты позволишь мне лечь к тебе в постель!» - думал Иван, запоздало отвечая на посулы Кати войдя в дом и с удивлением рассматривая довольно темную прихожую, из которой наверх вела, покрытая зашарканным ковром, деревянная широкая лестница; наверху царил полумрак.

Однако там же слышались приглушенные голоса. Откликнувшись на доклад слуги, наконец, сверху выглянул кто-то, может, и по просьбе хозяев. Это был невысокого роста, коренастый и, показалось, хромой, с жесткими седеющими космами на голове, человек. Он произнес:

- А-а, это вы, Кэтрин? И с вами гость? Милости просим, - позвал он, опираясь о перила и заглядывая вниз. Он протянул в сторону руку, и в ней оказался поданный ему слугой довольно массивный подсвечник с тремя зажженными свечами. Свет колеблющегося пламени ярко осветил его лицо с одной стороны.

Иван узнал этого человека и радостно крикнул:

- Господин Вишховатый!

- Кто это произносит мое имя?! – удивленно спросил тот и потянул вперед руку, чтобы теперь осветить дорогу поднимавшимся вверх и одновременно разглядеть незваного гостя. – Ай, да встреча!..

- Вы знакомы? – машинально, удивленная не менее их обоих, спросила Катя.

- Да знаешь ли ты, что этот молодец ныне проживает в доме, который когда-то я передал для его отца, купца Протасова, моего друга!.. Слыхал, слыхал, умер ваш батюшка, мой добрый друг! Но приехать проводить его в последний путь я не мог. Сообщение пришло слишком поздно! - Вишховатый громко вздохнул и покачал головой. Рука его поднялась было переkreститься, но он уже ступил на ступеньку вниз, и она легла на поручень лестницы. На его крупном, с горбинкой носу, блеснула слеза.

Все это бесконечно тронуло Ивана, и он позволил прижать себя старику, которого видел всего лишь раз, когда тот приезжал в Великий Новгород забрать у отца какие-то вещи и бумаги. Это было около года тому назад, и этого год еще не успел стереть из памяти их встречу.

Мокей был важным поставщиком вин императорского дома. Правда, ко двору он уже не ездил, а были вхожи в него двое его сыновей. Но имя Вишховатого, которого считали одни евреем, другие греком, до сих было на устах многих новгородских и петербургских купцов.

Кэтрин с некоторым удивлением наблюдала за этой сценой.

Потом все поднялись ко входу в просторную залу. И в ней за длинным, покрытым черным сукном столом, восседали еще двое неизвестных; одним из них была пожилая женщина, которая осталась на месте, когда ей представили гостя; второй был щегольски одетым господином, лет двадцати восьми, в длинном белом парике, в белом костюме, в туфлях. Он встал навстречу и подал Ивану руку, сухую и очень цепкую.

- Это господин Делон, учитель фехтования! - отрекомендовал его Ивану Мокей и обратился к обоим: - Дорогой Иван Прович и ты, наш друг Делон! Пригодятся ли вы друг другу, не мне решать, а потому и советовать подружиться вам я не стану, - сказал он. – Не могу и не хочу вмешиваться в ход событий, которые предуготовил нам всем Господь!.. А сейчас присоединяйтесь, и мы закончим траурную церемонию по одному из наших товарищей, убиенному Карлу XII.

- Товарищей? – спросил Иван, вытаращив глаза.

Пожилая женщина, что была в черном чепце, сказала скрипучим, но твердым голосом:

- Госпожа Ясницкая, растолкуйте своему кавалеру, в чем тут дело. Раз уж вы привели его сюда, думаю, он примкнет к нашей партии.

Молодая женщина наклонилась к Ивану, вытягивая длинную белую шею и придавая своим прекрасным глазам выражение безграничного к нему доверия. Она даже положила и сжала свою руку, которая оказалась жестче и крепче, чем он думал, на его руку, которую он, заняв место за столом, положил ей на колено.

- Мы негласно, еще при жизни шведского короля, - и то было пять лет назад, - приняли Карла в свое общество Заговоренных, - пояснила Катя. - Правда, мы уведомили короля об этом в письме, предупредив и о заговоре. Но письмо наше, видно, опоздало.

Вставил слово и Делон, приподняв подбородок. В голосе его Иван почувствовал ревность, он немного дрожал от усилия придать своим словам больший вес.

- К письму мы приложили пуговицу от его мундира, которую я имел счастье хранить после поединка: того поединка, который король устроил между нами на уроке фехтования. Это бы лучший мой урок! Изящным ударом я отрубил ту пуговицу, и король позволил взять мне ее на память! Нам стало известно, что колдунья наложила на короля Карла заговор. По его условиям короля можно было убить только предметом, ему принадлежавшим. Как известно, покушение произошло в конце ноября, почти пять лет назад: Карл был убит выстрелом в висок. По некоторым данным, пуля, которой его застрелили, была изготовлена из той самой пуговицы его собственного мундира. Значит, письмо попало в руки заговорщиков. - Делон умолк. Катя бросила на него восхищенный взгляд, и гнев его растаял.

- Откуда же вы узнали все эти подробности о пуговице? – спросил Иван.

Старая женщина дала знак рукой, и Иван понял, что скоро ему все разъяснят.

Слуга, стоявший позади нее, тут же погасил почти все свечи, оставив одну, большую, и на блюде подал ее на стол. Рядом он положил мешочек, похожий на кисет, расшитый черным бисером. Женщина достала из него мелкий, как перемолотая зола, серый порошок и бросила его на свечу.

В тот же миг порошок вспыхнул тысячами маленьких искорок, осветил залу; и когда вновь вернулся полумрак, Иван увидел богатый особняк, множество гостей, себя среди них, Катю, других женщин; потом он проник в маленькую укромную комнату и занялся любовью с одной из них, кажется, хозяйкой дома. Лица ее он не разглядел.

Но перед этим он стрелял из пистолета в яблоко, которое держала в руке женщина, получил приз, и когда он покинул хозяйский дом, завернул за угол, из темной подворотни на него набросился человек и с размаху ударил в грудь ножом. Лезвие соскользнуло, а злоумышленник убежал.

Вновь зажглись свечи, Иван протер глаза и увидел наблюдавших за ним с нескрываемым интересом хозяйки и гостей: каждого, кто сидел с ним за одним столом.

Когда он встретился взглядом со взглядом Альдигердии, та сказала:

- Это вам подарок от всех нас. То, что вы увидели, путь остается у вас. Это и пророчество, и предупреждение. А остальное, включая и тайну пуговицы Карла XII, это никак не должно более касаться вас нигде, до тех пор, пока вы не вступите в наше общество Заговоренных. Как вы понимаете, такое название объясняется тем, что мы предвидим опасности, указанные в мираже и грозящие нам в реальности.

- О, наш молодой друг, несомненно, хотел бы присоединиться к нам! – воскликнула Катя.

- Что я должен для этого сделать? – спросил Иван, с удивлением вынужденный признать, что чудеса – идет он к ним навстречу или нет – его окружают и намерены непрерывно продолжаться. Одно знакомство с Катей превосходило его планы на ближайшую перспективу, и вот теперь он обретал других, может, и могущественных друзей.

- Ему слишком рано об этом думать, - сказала, пропуская вопрос Ивана, словно мимо ушей, хозяйка. – Прежде, ему следует стать дворянином. Это условие для всех мужчин!

- А это случится? – быстро и заинтересованно спросил ее Делон.

- Да, это возможно. Или уже свершилось!.. Я вижу: он уже один из избранных. И у него есть своя сокровенная тайна: ему уже покровительствует дух или ангел. А теперь мы просто погадаем, - заявила она, и слуга положил на стол два одинаковых, слепленных, как показалось, из теста, кубика, а затем коробочку с брусочками различных красок: белого, желтого, красного, синего, зелено и черного цветов, а также кисточку и баночку с водой, стоявшую на блюде с куском ваты. Ясницкая, взяв кисточку, обмакнула ее в воду, и стала наносить краски на грани кубиков. При этом, она сопровождала свои действия точной инструкцией:

- А располагаться на грани краски должны друг против друга так: белый – черный, синий – красный, зеленый – желтый... Вообще-то, сразу после изготовления и раскраски кубиков их в качестве игральные кости использовать не рекомендуется. Для того, чтобы эти двойники к вам привыкли и при ворожбе говорили правду, их следовало бы пару деньков поносить с собой в холщевом мешочке... Вот и все!.. А теперь поглядите: какая это красота!

Иван наклонился, протянул палец, чтобы потрогать то, то Катя поднесла почти к его лицу, но она быстро отдернула руку.

- Эй, сказано: никому не давать «двойников», они очень не любят менять хозяина, замыкаются. Перестают отвечать на вопросы. – Она подула на кубики, высушивая их. На все ушло две-три минуты, и все сидящие вокруг с улыбками следили за работой красавицы Кэтрин, как тут все, кроме Ивана, называли ее. – А теперь каждый пусть загадает себе желание. – С этими словами Катя бросила кубики перед Иваном. Сверху оказались грани, разукрашенные белым.

- Дубль белый! – сказал Делон.

- Оставьте сомнения и переживания. Скоро непонятная для вас ситуация прояснится, и все сложится благополучно! – сказав это, Катя наградила его неоднозначным взглядом, и Иван невольно посмотрел на Делона. Но тот точно погружался в обморок. Он явно с трудом выносил такие сеансы. Перед ним покатались кубики, и выпал дубль желтый.

- О чем бы вы ни спрашивали сейчас, все сложится просто великолепно, господин Делон, - сказала молодая женщина; и он просиял. – Да, вы получите даже больше, чем ожидаете. Вас ждет рост и процветание. Если ваш вопрос касался финансов... Я угадала?... (Делон чуть смутился и мгновенно слегка покраснел) - То вы получите либо деньги, либо возможность зарабатывать больше...

- А теперь господин Вишховатый!.. Зажмурьтесь, Мокей Лазаревич, катится ваша судьба! – сказала она и бросила кости перед старым греком. Выпал дубль красный. – Вас ждут какие-то сильные потрясения, ситуация выйдет из-под контроля, вы можете что-то потерять. Но это будут потери, которые вы потом оцените как благодатные. А на месте старого вырастет нечто новое...

- Достаточно! Это меня вполне устраивает, и не будем больше испытывать судьбу. Я, как старый философ, вполне принимаю это! – заявил он. – Я уже не раз что-то терял в жизни, но не отчаивался, и получал другое взамен утерянного. И, уверяю вас, даже лучшее!

- Вот и хорошо, - проскрипела хозяйка. - А теперь катитесь кости до моих косточек. Что-то мне вы скажете сегодня?

Выпал дубль синий.

- Скоро буря уляжется, и в вашей жизни воцарится порядок. К вам придет успокоение.

- Не смерть ли? – грубо спросила она.

- Нет. Однако в вашей жизни может исчезнуть что-то такое, что вы сейчас считаете очень важным... Окрепнут некие связи, которые пока только намечаются или которые вы считаете ненадежными, непрочными и несерьезными. Правда, вы можете оказаться в некоей зависимости от обстоятельств, но это будет замечательная независимость, она принесет в вашу жизнь покой и гармонию...

- Достаточно! Я довольна! Я рада, что императрица Екатерина вновь вспомнит обо мне. Она страдает от бессонницы, и, видно, я ей опять нужна. А больше мне ничего не нужно. Потом я могу уйти с миром...

- Да, все будет прекрасно! Я вижу, вижу: если в основе вашего вопроса лежит какой-то конфликт, то он скоро прекратится, страсти улягутся, вы сможете посмотреть на ситуацию другими глазами, увидеть то, на что раньше не обращали внимания. И вторая конфликтующая сторона будет рада предложенному вами компромиссу, поэтому с даже она удовольствием пойдет на примирение и на установление нейтральной ситуации.

- Ну, хватит, хватит, и впрямь сглазишь! Давай-ка, лучше, голубушка, брошу я эти кости в твой адрес.

Выпал дубль зеленый. Хозяйка взгляделась в кубики, словно разглядывая какой-то мираж.
- Ну, что ж... Без твоего непосредственного участия, без решительных действий у тебя ничего не получится и ничего не изменится. Тебе, однако, придется приложить немало усилий, чтобы то, о чем ты попросила, стало реальностью. Или чтобы проблема, которая беспокоит тебя, осталась в прошлом. Многое зависит от твоего настроя решительно изменить текущую ситуацию и - от мужества... это странно!

- Ответ «Двойников» оказался неоднозначным - добавила она, - может, тут тебе, голубушка «да», а, может, и «нет». Но ты верь в благоприятный исход, а главное – действуй!..

- Да-а, - протянула хозяйка, когда завершилась минута пророчества, показавшаяся бесконечно долгой, - не позавидую тому, против кого направлена вся твоя энергия. Но, впрочем, это твое личное дело. Мы не вмешиваемся в дела провидения.

- Наша цель – предупреждать друг друга об опасности, - шепнул Ивану Вишховатый. - И за это мы платим, - загадочно добавил он. - Ну, выкладывай на стол, чем богат.

Все, и сама хозяйка, бросили в центр стола по несколько золотых и серебряных монет.

Иван снял с пальца серебряный перстенок-печатку с изображением двух соединившихся в вершине ромбов и положил в общую кучу.

Слуга тут же сгреб все это и унес.

- Вот и конец сеанса, господа, - сказала хозяйка. – Господин Вишховатый, оставайтесь со мной, а вы все можете идти, - сказал она.

Кэтрин быстро увлекла Ивана вниз, они вышли на улицу, подождав Делона, попрощались с ним, и затем направились по дороге, откуда и пришли сюда.

Через считанные минуты будто случайно проезжавшая мимо коляска взяла их довезла до незнакомого Ивану дома.

Когда они вошли в дом, Крыншин тут же узнал ту комнату, где Кэтрин сегодня предстала впервые в мужском костюме. Затем молодая женщина увлекла гостя в спальню, и тут мираж стал быстро таять.

Крыншин проверил систему внешней съемки – способной запечатлевать информацию прямо с экрана монитора, удостоверился, что все записано и произнес:

- Теперь и мне бы найти ключик в эту спальню!..

Внезапно картинка вспыхнула вновь: Крыншин увидел, как влюбленные прощались, и Катя строго наказала Ивану:

- Больше не ищи со мной встречи сам, а как придет время, я выведу тебя в свет!

«Ты уже вывела меня к нему!» - услышал Крыншин слова счастливого Ивана, но, зная о его амбициях, усмехнулся...

VII

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС С МИРАЖОМ.

ЯВЛЕНИЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ И ПАТРИАРХА НИКОНА.

СПАСИТЕЛЬНЫЕ МИРАЖИ: МОСТ И ТЫН

(Рассказ)

1

- Ну, господин Вишховатый, - сказала Альдигердия Аркадьевна, когда они проводили гостей и внизу прозвенел колокольчик, возвестивший о наступившей полной конфиденциальности, - приступим к погружению в мираж... - Пожилая женщина, сидящая возле низкого

стола, тяжело вздохнула, уперлась сухими длинными руками в подлокотники вольтеровского кресла с жесткими деревянными подлокотниками и приподняла себя в нем.

Мы говорим приподняла, потому что она так и не выпрямилась, а, будучи согбенной, вышла из-за стола. Вишховатый, тоже уже не молодой шестидесятилетний человек, поддерживал ее, пока оба не достигли книжного шкафа, занимавшего половину стены.

Из него хозяйка вынула одну книгу, и грек, словно совершая ритуал, быстро просунул в щель руку и дернул за тайный рычажок. Часть полки ушла вглубь и отодвинулась, открыв в стене тайник размером в печную духовку, куда вошел бы и большой горшок.

Хозяйка полезла под воротник, закрывавший шею, и трясущимися руками вынула, как из-за пазухи, стальной ключ. Он был нанизан на веревочку, и, скорее всего, Альдигердия и спала вместе с ним.

Открыв тайник, она отошла, предоставляя следующее священнодействие, опять же, Вишховатому.

Тот обеими, еще сильными руками вынул на серебряном блюде тяжелый предмет, величиной с головку сыра, покрытую полупрозрачной шелковой накидкой. Она слегка колыхнулась под воздействием центробежной силы и рожденного ветерка или же от тяжелого дыхания Мокея.

Он был очень взволнован.

Крыншин, когда увидел новое меряченье монитора и всю эту сцену, был сильно удивлен и обрадован новым сюрпризом. «Спасибо, «Скиф»! – мысленно произнес он в восторге, полагая, и не без оснований, что система нашла возможность накрепко вцепиться в волну ноосферы, откуда теперь скачивала необходимую информацию, словно, в виде четких хрономиражей. Эту информацию по неизвестным причинам система не могла грузить сразу в центральную память, а только после того, как события неведомым образом отображались на экране монитора.

На экран же скачивание информации шло явно с каких-то хрономиражей. И, возможно, ни причем была даже ноосфера. Где-то над планетой имела особая кладовая памяти: памяти, способной всплыть в любую минуту и в любом месте, в виде того же самого настоящего хрономиража.

Крыншин видел, как волновался Вишховатый, когда нес свою драгоценную ношу на подносе под платком.

Вдруг он остановился и стал ждать, пока хозяйка вновь устроится на стуле, только уже не за столом, а в центре комнаты; там стоял изящный свободный цветочный столик на пяти изогнутых ножках.

Ей помогал слуга. Он же успел снять со столика цветок в керамическом горшке и поставить на пол, после чего тут же удалился, по пути дунув на единственную большую свечу, горевшую на столе.

Но она больше и не понадобилась бы, так как в ту же секунду находящийся на блюде у Вишховатого предмет показал, что он излучает свечение.

Причем, природа его была такова, что это свечение постепенно стало наполнять все вокруг, раздуваясь, как шар, пока его края не достигли стен и не уперлись в них. И когда под давлением света все стало спрессовываться как под прессом, шар заполонил все, даже углы. В этом мерцающем свете стали возникать очертания различных предметов, но явно из другой обстановки. Некоторые из них двигались. Но персонажи таинственного действия оставались на месте.

То был оживающий хрономираж, и Крыншин это видел.

Грек скинул накидку, и глазам предстал явно окаменевший мозг человека...

От него во все стороны пошли волнами золотистые лучи и, накладываясь на все краски возникшего хрономиража, - явно царских палат с тронном, коврами и расписными золочеными анфиладами, превратили его в плотную субстанцию самой настоящей яви.

Перед взором всех свидетелей этого чуда из образовавшихся движущихся сгустков миражей проявились фигуры царя Алексея Михайловича и патриарха Никона.

Никон стоял в золотисто-белом одеянии, с тремя большими красными мальтийскими крестами, посередке которых было желтое солнце; снизу платье его было увешано красными и черными кисточками толстых помпонов.

Никон имел не слишком широкие усы и большую темно-русую, скорее даже черную бороду, при этом почти вся передняя часть подбородка была оголена, и под нижней губой оставалось немного волос; было видно, что Никону не были чужды человеческие слабости – выглядел он щеголевато. Брови его были светлыми, а небольшие глаза, близко расположенные к красивому длинному носу, были одновременно и добры и печальны. На его голове была очень большая, чуть ли не вдвое крупнее головы, прекрасная корона: имеющая форму кулича, но с золотом и драгоценными камнями, увенчанная крестом.

В руках Никон держал длинный тонкий черный, как бы нанизанный на три золотых шара, посох, с раздвоенным, как взмах птичьих крыльев, золотым навершием; один конец посоха упирался в пол, а другой достигал бороды. Посох придерживала левая рука патриарха, а правая касалась раскрытой книги, несомненно, с Евангелиями.

Книгу придерживал безусый и безбородый служка в клобуке, хотя были, кроме него, здесь служители церкви и постарше и посolidнее.

И как-то скромно выплыла из миража фигура стоявшего на коленях перед патриархом царя, в золотистой узкополой, но высокой, шапке, с оторочкой из белого меха, в золотых одеяниях, с кудрями и широкой пышной русой бородой. Царь, хоть и был на коленях, казался чуть ли не равнодушным ко всему и словно не замечавшим ничего вокруг. Он погрузился в свои невеселые мысли. Может, он был удручен реформами патриарха, от которого взорвалась староверческая православная Русь, делившаяся ее надвое.

Патриарх громко промолвил:

- Мы, государь, все же должны провести эти реформы церкви, чтобы стерлось различие в богослужебных таинствах между московским и греческим патриархатом, и от того крещение тремя перстами будет для нашего народа правильным!

Царь, не поднимая глаз, покачал головой и сказал, как в пол:

- А книги, чтобы все по подобию византийскому, придется ведь, переписывать.

- Придется, государь. Но Бог с нами!

- Бог с нами. А все ли церковные иерархи под этим подпишутся? – спросил неуверенно царь, поднимая печальный взор.

- Подготовим к тому событию собор. Все подпишутся.

- Что ж, - вздохнул царь, - благослови на решение.

- Благословляю, - поспешил ответить Никон. И он стал крестить, троеперстно – приложив к двум перстам – указательному и среднему, также и большой. - Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь!

Царь с помощью иерархов поднялся с ковра, сел на трон. Оттуда спустя минуту, отдышавшись и собравшись с мыслями, он опять спросил:

- Кого в Грецию отправим с этой доброй вестью? Подготовил ли человека, святейшество?

- Подготовил. Обрусевшего грека Вишховиди, он поедет. Преданно служит, и детей нарожал, все уже давно стали Вишховатыми. Заслужил такой чести!

- А какой знак будет нам, что в Греции воспринята эта вещь, как наш добрый вклад к укрепление православия?

- Будет передан нам древний окаменевший мозг одного из царей Земли обетованной, видевших Христа. Мозг этот способен вызвать картину его личного общения с Христом и возможность имеющим уши услышать слова Спасителя!

- Хорошо. Одобряю. Да оденьте грека поприличней, по европейским западным канонам. Мы, стало быть, теперь должны Европе сподобиться. И, может, ты и станешь новым Византийским папой!

- Мы и есть Европа, да особая. А я итак всем на Руси Отец. А с Божьей помощью прорубим окно и к католикам, и станем тогда для всего света истинно третьим Римом!..

- Но не забудем ли, для чего у нас герб с двуглавым орлом? Чтобы одной головой смотреть на восток?..

- Нет, государь! Не забудем!.. И пошлем своего другого посла за башкирские земли, в киргиз-кайсацкие степи, на Алтай, дальше в Сибирь, повезем талисманы – мечи с с золотую рукоятью, с изображением в его центре точно такого же орла, но только с одной головой, глядящей с востока на запад, где для них «Запад» – есть Русь.

- Отчего такие загадки, а коли не поймут, что да к чему?

- Они поймут, ибо знают! Ибо такой талисман был ими вручен Дмитрию Донскому после битвы на Куликовом Поле. Как знак окончания вражды и знак начала новых отношений. Хан обязался больше не нападать на Русь, а Русь дала слово приумножить силу и славу свою и хранить у себя все народы, бывшие под –татаро-монголами, от великой реки Итиль - Волги - и до Великой Китайской стены.

- И пусть привезет винограда. Слышал я есть там, в Македонии, виноградник, посаженный от семени, найденном за пять тысяч лет до Рождества Христова. Пусть привезет того винограда, и мы выжмем масло из его косточек. Может, рассадим где... Оно есть лучше средство для бальзамирования... Пусть привезет винограда!..

- Рано об этом печалиться. Но все будет исполнено, как велите, государь!..

- И когда придет срок, призови шаманов коми. У каждого из них есть дух-двойник, как у каждого их предмета. И этого двойника можно вызвать обратно, в явь, как и каждую вещь. И разглядеть в мираже. Хочу видеть, что станет с моим народом...

Никон строго глянул на царя, пожал плечами, но ответил мягко:

- Слишком рано об этом печалиться, государь. Ваше светлое будущее мне ведомо, а на моем будущем ляжет большая печаль!..

- Вся твоя печаль в том, что кроме смирения есть в тебе и гордыня... И жалко мне, что однажды она разлучит нас с тобой!..

- Истинно! И это в скрижалях указано!..

- Но что наша печаль? Мы стараемся сохранить православный мир. И на нем сохранится в мире христианство!..

- Истинно так. Аминь!

- Аминь!..

Все стали креститься, по-новому...

2

На минуту воцарилось молчание. Этого хватило, чтобы Альдигердия очнулась и показала знаком: мол, достаточно.

Тут же слуга накрыл окаменевший мозг специальным платком, затем накрыл серебряной чашей.

- Все ли видел, Мокей?

- Ой, матушка, вовек не забуду. Есть подтверждение моей службы отцом моим царям-батюшкам. А то ведь уже копают под меня так, что и засомневаешься: свой ли я здесь или впрямь ли чужой на русской земле! И еврей, говорят, я, и турок... Теперь я уверен в своей вере, как никогда!..

С этими словами, едва ли не роняя слезы, Мокей упал на колени перед хозяйкой.

Слуга унес блюдо с содержимым на место, спрятал в стене и вернулся за Альдигердией. Вместе с Вишховатым они помогли ей подойти к секретной нише, и она, наклонившись, нащупала на шее ключ, вынула его и закрыла свое святое хранилище.

- Теперь я понимаю, как была ты дорога Екатерине, пока она не стала полноправной женой царя. И то понимаю, как причастилась она всей душой чистой к вер православной!

- Да, это я указала ей ее судьбу, - загадочно ответила Альдигердия.

- Будущее? А не прошлое!.. Мокей, казалось, не поверил такому чуду. – Я знаю, что на такое способны только зеркала шведского бога Одина. И я сам видел это! Но как может указать будущее мозг, хранящий сведения о прошлом?

- Это тайна. Но теперь ты и сам должен разгадать ее. Разве не сказано: обладатель этого мозга беседовал с Христом!

- А-а-а!..

- И все записи этой беседы хранятся в гробнице Никона! Вот почему ее никто никогда без меня не найдет!..

- Гробницу?

- И саму ту беседу!

- А-а-а!..

- А теперь иди, да не забудь выполнить обещанное. Как Екатерина взойдет на трон, скажешь ей под любым предлогом, что есть такая книга, и она сама придет ко мне. Большого я не желаю! Пусть придет и встанет передо мной на колени!..

- Встанет! Ибо будет перед собой видеть образ Спасителя!

Ответом на эти слова была самая таинственная улыбка, какая может уместиться на плотно сжатых губах, под огнем загоревшимся взором, в которым читается жажда невиданной отместки, перемешанной с жаждой примирения.

И отсылалась эта улыбка самой Екатерине, или другим, которые должны были ответить Альдигердии за все совершенное ей зло, Крыншин точно сказать не мог.

Решив найти об этом персонаже прошлого хоть какие-то сведения, Крыншин нашел небольшой ряд ее однофамильцев, и одного точного «двойника». Некая Альдигердия Литовченко, у которой в родне по женской линии все получали имена Альдигердия, увлеклась собственным геральдическим древом и вышла на литовского правителя XIV века Ольгерда, союзника тверского князя Михаила. Один из его внебрачных сыновей был женат на французской принцессе, для них был построен замок Герд, и их дети по мужской линии стали носить титул графов Оль де Герд. Отсюда и Ольдигердия, откуда было недалеко и до Альдигердии...

Что касалось положившегося на Ольгерда князя Михаила, то он замыслил интригу - с помощью хана Мамай переиграть власть на Руси и, возможно, надеть на себя корону.

Но Дмитрий - в будущем Дмитрий Донской - сумел быстро собрать гигантское войско со всей Руси, и, - на что обратил особое внимание Крыншин, - переправил это огромное войско через два чудесным образом быстро возникших для переправы через Волгу мостов!..

Это очень напоминало работу неведомых духов, поскольку ширина реки в месте переправы войск достигала более километра, и это утверждал один из блогеров.

Он же указывал, что русичи обладали каменным мозгом древнего шамана Коми, извлеченного из скалы, и вызвали мираж, который, сначала зыбко зависнув в воздухе, затем мгновенно затвердел, как камень.

То же видно было и с мостом. Мираж стал твердью...

И затем он также мгновенно вновь растаял в воздухе, будто его и не было; это уже через три недели после того как, Дмитрием была взята Тверь и прощен изменник Михаил; последний дал клятву «никогда более не искать великого княжения и не принимать тайных послов ханов».

Причем в этом промежутке, при осаде Твери, - читал Крыншин, - вокруг всего города неожиданно и чудесно возник высокий тын, чтобы утратить тверичей. Вероятно, и этот тын - забор - был миражом...

VIII

МИРАЖ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ ДВОЙНИКОВ. ЗАГАДКА ОКАМЕНЕВШЕГО СЕДАЛИЩА ДУШИ (ПОКУШЕНИЕ НА МОЗГ ПАТРИАРХА)

(Рассказ)

- Итак, у бывшей фаворитки, ведуньи императрицы Екатерины I по имени Альдигердия имелся чудесный окаменевший мозг одного из древних царей, беседовавшим с Христом! Это со всей определенностью говорю сам себе и с трудом тому верю я - начальник службы астральных реалий и миражей аномальных зон или точек «Сармат»!

На самом деле, Крыншин оставался под сильным впечатлением, убедившись в сакральной силе окаменевшего мозга, вызывавшего хрономиражи важных событий прошлого. «Спасибо, добрый «Скиф»! – поблагодарил он систему видео реконструкции исторических фактов, позволявшую любому операторам следить за эпизодами далекого прошлого на экране персонального монитора.

Раскрытие новых тайн приближало сотрудников «Сармата» к тому, чем в то же время был занят целый ряд других отделов и бюро ведомства «Три кашалота»: поиском золотых кладов петровских времен.

Итак, сильно впечатленный тайной, которую приоткрыла в прошлом компьютерная система с помощью «Скифа», Крыншин запросил сведений о каком либо чудесном окаменевшем мозге древнего Востока, в надежде, что это выведет на следы тех, кто сегодня в Москве готов был воспользоваться чудесной силой хрономиражей для организации провокаций и беспорядков.

Поэтому одними из ключевых слов при запросе новой информации были также слова «мираж» и «хрономираж».

Как ни странно, незамедлительно поступившая Крыншину новая информация касалась «окаменевшего мозга», найденного совсем недавно, в древнем городище в Турции.

Среди захоронений греков, римлян и фригийцев было обнаружено тело человека бронзового века, жившего около четырех тысячелетий назад.

Больше всего археологов удивил не возраст останков, а то, в каком состоянии они дошли до наших дней. Вопреки всему, мозг внутри черепа не истлел, а окаменел.

«Для того, чтобы такое стало возможным, требовалось, чтобы к телу не поступали ни влага, ни кислород, – отмечал Крыншин. - Ученым удалось приблизительно реконструировать картину древнего происшествия... Раскололась скала, на которой стоял дом. Тело погибшего провалилось в трещину, которая затем сомкнулась, изолировав его от внешней среды. Теперь перед исследователями открываются богатые возможности...»

Так, что это за возможности? – спросил Крыншин, предчувствуя удачу. Итак!.. «Например, они надеются получить дополнительные сведения о том, какими заболеваниями страдали люди бронзового века. А также – найти, наконец, «седалище души», которое накапливает в себе всю информацию, полученную человеком за всю свою жизнь - своеобразный чип в виде кристалла!

Активизировав чип в особом устройстве, можно получить изображения двойников живого и неживого в виде плавающих хрономиражей или точно зафиксированной голограммы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.